

Magic Worlds

ОКСАНА ГЛАЗНЕВА

ЧЕРНАЯ
ЦАРЕВНА

— Люди и боги —

Люди и боги

Оксана Глазнева

Черная царевна

«Снежный Ком»

2018

Глазнева О.

Черная царевна / О. Глазнева — «Снежный Ком», 2018 — (Люди и боги)

В Яблонево́м Крае живут и люди, и боги. Давно вымерли чародеи, и лишь боги помогают людям управлять железными машинами и освещать дома, защищают от морских чудовищ и не позволяют умереть от голода. Царевна Надежда – последняя живая чародейка. От рождения она обещана богу-мертвецу, оттого и не погибла во младенчестве. Шестнадцать лет ее держат в башне, защищая от мира, и мир от нее. Весь Яблоневый Край считает ее живым проклятием и предвестницей конца света. И пусть девушке предсказано вернуть память, свет и тени тем, кто их потерял, никто в мире не ждет от нее добра. Так кто она? Встретившись лицом к лицу с ненавистью и страхом людей, с подлостью богов, кем станет? Проклятием или последней надеждой?

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Оксана Глазнева

Черная царевна

Часть I

*Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду – волк,
И помнить: я – овца.*

*Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.*

*В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, – молчу.
Ах, если бы и мне,*

*Взглянув на звезды, зная, что там
И мне звезда зажглась,
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!*

Марина Цветаева

Жолтень еще не закончился, но в Северной Варте потускнели листья, а воздух наполнился звенящей чистотой и запахом близкого снега. Всю неделю шли дожди: холодные, серые, длинные. Вода текла по черепице крыши и позолоченным куполам храмов, облизывала каменную кладку дворовых стен, затапливала пустые цеха заводов, превращала единственный городской сад в болото. Вода засоряла стоки, била родниками-обманками, подхватывала опавшие листья, обрывки газет и конский навоз, несла вниз по улицам. Спешила. Мимо магазинов и лавок, через Базарную площадь, под стенами-акведуками Серединного города в Окольник и дальше – мимо барачных для рабочих, мимо притонов и игорных домов к окружной стене, спешила нырнуть в желоба, стать грязными водопадами в глиняный карьер и в огороды.

За ночь город сковывало морозом, и поутру, выбеленная первым инеем, Северная Варта была почти хороша. Но к обеду иней вновь превращался в воду и город погружался в грязь.

Мирослав Третий Проклятый снял позолоченные очки, потер переносицу и поднялся из-за стола. Портьеры были раздвинуты, чтобы впустить в кабинет остатки дневного света. Царь оправил фрак и манжеты рубашки и подошел к окну.

Каминные часы пробили два часа пополудни. На подоконнике собралась лужица воды. Мирослав растер ее, встряхнул рукой и посмотрел в окно.

Вот оно, его царство: от стен дворца до внешней городской стены. Город-крепость. Город-государство. Царский двор на месте старого форта. Серединный город, обросший новыми этажами, втиснутый в узкие улицы, как панночка в платье не по размеру. И Нижний город – он же Окольник – место, где не живут, а выживают.

Триста лет назад Северная Варта была временным поселением беглецов. В долине шла Вторая Чародейская война. Люди поднялись в горы, чтобы переждать битву, перевязать раны, спрятать детей и женщин. Неделя шла за неделей, но сражения в долине не утихали. Чародеи жгли леса и испаряли реки, превращали города в пыль, а людей – в птиц. Беглецы остались в лагере. Лагерь стал поселением, поселение – деревней, деревня – городом. Северная Варта поползла по склону, как пена с закипающего молока. Из долины приходили новые беглецы, население росло, люди разрабатывали гору, добывали медную руду. Поля битв ошетились лесами, покрылись болотами, а жители Варты уже не думали возвращаться назад.

Мирослав перевел взгляд на запад.

Над заводскими бараками Окольника поднимаются трубы мертвых заводов. Освещает пустые цеха кровь солнечного бога. Дыхание бога-кузнеца наполняет легкие машин. Краснеют от жара печи, готовые пожирать руду, но людям нечего дать им. Руда в горе иссякла три месяца назад, и люди не в силах это исправить.

В Яблонево Крае правят боги. Ина и Ян создали Край из зерна Великой Яблони. Подняли с океанского дна континенты, заселили их животными, птицами и людьми. Управлять новым миром оставили своих детей, богов-сиблингов: Ярока-солнце, Марину-море, Марка-кузнеца, Лешего-лес, Мокошь-судьбу и Анку-смерть. В помощь людям лучших и благороднейших из смертных наделили даром чародейства. А затем демиурги ушли создавать новые миры, оставив несовершенных детей одних.

За следующую тысячу лет чародейские войны почти уничтожили Яблоневый Край. Ушли под воду континенты, рассыпались в пыль горы, озера стали морями, моря превратились в пустыни, перемешались народы, провалилось в Царство Мертвых южное полушарие. Мир разваливался на части, но тут вмешались боги.

Они сплели паутину канатных дорог, соединив лесные города с Побережьем. Леший накрыл изувеченную землю лесом, спрятал шрамы. Ярок дал кровь, чтобы осветить города. Марк-кузнец – дыхание, чтобы вдохнуть жизнь в железные машины. Люди снова строили города и не боялись рожать детей, но...

Боги дают, они же отбирают. Лесные города, пойманные в ловушку собственных стен, выживали, лишь добывая металлы и производя железные машины. Их обменивали у городов Побережья на зерно, овощи, фрукты, бумагу, ткани и тысячи других нужных вещей. Без руды Северной Варте нечего предложить Побережью. И вот горят в храме Марка-кузнеца дорогие свечи из южного воска, гниют на алтарях фрукты, но бог молчит.

Мирослав потерял глаза и вышел из кабинета.

Ветер гнал с севера тяжелые, беременные дождем облака. На каретном дворе его встречал особый отряд гвардейского корпуса. Генерал-лейтенант Хилькевич отдал честь и открыл дверцу кареты. Мирослав, не глядя по сторонам, запрыгнул в подготовленный экипаж. Дверь за ним закрыли, и царь плотно задернул шторы. Карета тронулась.

Было два часа пополудни, но за плотными шторами в карете сгустился полумрак. Мирослав начал засыпать, когда они наконец остановились.

Башня возвышалась над городом, как черная свеча на алтаре. Никто уже и не помнил, откуда взяли этот известняк в их части Яблоневого Края. Камень обладал редким даром сдерживать колдовство, отчего ходили легенды, что башню выстроили первые боги. Здесь Мирослав хранил чародейские книги. А еще здесь жила Надежда, старшая дочь, которую горожане шепотом называли Проклятой...

Семнадцать лет назад царица обещала своего первенца богу-мертвецу в обмен на услугу. Девочка родилась раньше срока, и никто не ожидал, что она выживет. Во дворец не звали жрецов, не трубили в трубы, не устраивали фейерверков.

Прошел день. Прошла ночь.

Пришлось звать кормилицу, потому что девочка кричала, держалась за жизнь, а бог так и не явился. Мирослав приказал забрать ребенка в Черную башню, подальше от жены, которую детский плач сводил с ума.

Прошла неделя. Еще одна. Закончился месяц.

Город делал вид, что ничего не произошло. Царевна крепла и умирать не собиралась. Тогда Мирослав набрался смелости взглянуть в глаза дочери. Взглянул и полюбил ее так, как не любил больше никого в этом мире.

Прошел год.

Царевна Надежда жила в башне, окруженная молчанием горожан и ожиданием скорой смерти. Царица ждала второго ребенка и постаралась вычеркнуть из памяти первого. Втайне от жены Мирослав позвал в Черную башню жриц Мокоши-судьбы. Они предрекли, что царевна вырастет красивой и доброй, а еще сказали, что Наденька станет чародейкой.

Три века назад чародеи почти уничтожили Яблоневый Край, а затем погибли сами. Болезнь пришла с севера, ее принесли птицы и ветер. В один год она поразила всех, в ком была хоть капля колдовства: женщин, мужчин, стариков и младенцев. Жрицы Мокоши говорили, что люди с чародейской кровью продолжают рождаться и поныне, но никто из них не доживает до года. К Надежде, обещанной богу-мертвецу, смерть не спешила. Через четыре месяца царевне исполнится семнадцать лет.

С каждым годом истории о Черной царевне обрастали все новыми подробностями. Мирослав старался защитить дочь от слухов, но они просачивались даже сквозь стены неприступной башни. Говорили, что ребенок принесет смерть всему живому; что она станет человеком-сосудом для мора и чумы; что подчинит себе весь Край, выжжет его, как чародеи прошлого; что уничтожит Серую Завесу, отделяющую Царство Мертвых от мира живых. Говорили... А бог-мертвец, словно дразня человеческую мнительность, не являлся.

Мирослав вышел из кареты.

Башню окружала каменная ограда. На небольшом плацу перед входом в башню выстроился караул. Сержант Любава Когут, начальница внутренней охраны, выступила вперед, ожидая приказов.

– Как сегодня ее высочество? Здорова? Хорошо ела?

– Так точно, ваше величество.

Они пересекли двор и зашли в темное помещение башни. Широкая винтовая лестница уходила вверх.

Комната под крышей башни запиралась снаружи, но, из уважения к царевне, было принято стучать. Мирослав ударил три раза. Подождал.

– Да! – раздалось из-за двери.

Сержант Когут отперла замки, и царь вошел.

Большая круглая комната под крышей башни была вразнобой заставлена книжными шкафами, стопками цветочных горшков и пустыми мольбертами. В воздухе стоял запах акварели, сырой земли и пыли. У восточной стены, как пристань в Цветном море, стояла кровать. У западной – письменный стол.

Комната больше походила на склад, чем на девичью спальню, но Мирослав уже привык. Надя обожала делать перестановки. В маленьком мире, ограниченном комнатой и садом на крыше, эти перемены создавали видимость свободы. Мирослав, испытывая угрызения совести, рад был потакать нехитрым прихотям дочери. Он нанимал художников, которые расписывали стены жар-птицами и единорогами; заказывал для кукол точную копию дворца; покупал на островах шелковые обои... Все что угодно, лишь бы возместить отсутствие свободы и любви!

– Папа, это вы!

Царевна отложила книгу и поспешила навстречу отцу.

Наденька была невысокой и тоненькой, как молодая ива. Черные косы уложены короной вокруг хорошенькой головки. В светло-карих глазах, окаймленных густыми ресницами, виден ум. Губки как лепестки пионов и аккуратненький носик подчеркивали ее миловидность. Портити прелесть юной царевны лишь обломанные от работы в саду ногти и болезненная бледность лица.

– Я не ждала вас! Ужасно, что вы видите этот беспорядок!

– Не страшно, дорогая. Найди мне какой-нибудь стул.

Царевна сняла передник, измазанный зеленью, бросила на стол поверх учебников, смахнула с дивана ворох разноцветных штор и мебельных обивок и усадила отца.

– Приказать подать чаю?

– У меня мало времени, милая. Лучше расскажи, как успехи в учебе. Тебе нужно что-нибудь?

Она улыбнулась, присела на край дивана, сжала руки на коленях.

– Спасибо, папа, у меня все есть. Пан Рукша принес новые книги. Он рассказывал, что ему доставили их с самого Побережья. Очень красивые.

– Вот и чудесно, милая. Может, что-то еще? Я слышал, твой карликовый апельсин не вынес наших холодов?

– Не вынес... – грустно улыбнулась Наденька. – А как наш урожай в этом году? Собрали?

Царь помрачнел:

– Собираем. Дожди мешают.

– А как же бал? Отменят?

– Ни в коем случае!

– Я жду фейерверков. Было бы чудесно в этом году добавить алого и желтого. Вот бы еще дождь не собрался!

Мирослав слушал ее щебет и сам не понял, когда стал улыбаться. Надежда разложила ткани, затем подхватила, унесла куда-то за ряды шкафов, вернулась, уселась на полу у ног отца.

– В этом году будут сватать Василису? Я слышала, что у короля Веита двенадцать сыновей. Вот бы нам породниться с Побережьем!

– Не думаю, что он захочет взять ее в невестки. Брак коронованных особ это всегда сделка, дорогая. Им она не выгодна.

– Неужели король Веит ни одному из двенадцати сыновей не позволит жениться по любви? Вы же позволяете Василисе выбрать себе мужа?

Мирослав улыбнулся:

– Просто я безмерно люблю своих девочек.

– Тогда я могу в этом году приехать на бал?

– Нет.

Мирослав растерялся от неожиданного вопроса, поэтому ответил резче, чем хотел.

– Почему?

Царь помрачнел. Именно из-за таких вопросов он все реже навещал дочь и все быстрее заканчивал встречи.

Когда царевне исполнилось шесть, она начала спрашивать. О себе, о своем заточении и о башне. Почему живет здесь одна? Почему не приходят сестра и мама? Как долго ей быть здесь?

Пришлось выдумать для девочки красивую сказку. Мирослав солгал, что есть пророчество: придет королевич, женится и заберет в свой дворец, а до тех пор Надежда не может выйти из башни, иначе умрет. Девочка поверила. Десять лет она тихо жила в башне, прилежно училась и ждала суженого.

Четыре языка, арифметика, география и история. Мирослав не ограничивал дочь в знаниях. Надя прожила в заточении семнадцать лет, на что еще ей тратить силы и время? Но время шло. Все сложнее лгать ей в глаза, да и она все меньше верила в ложь.

Наденька не умела скрывать чувств, и Мирослав видел – с прошлого дня рождения ее что-то тревожит. Она не рассказывала о своих тревогах, но все требовательней становились ее вопросы и взгляд.

– Как долго я буду ждать своего суженого, папа?

– Ты знаешь, милая, есть пророчество! Мы не можем его послушаться!

– Папа, если это лишь сказка, вы скажете мне? Я уже не ребенок, у вас нет причин ограждать меня ложью.

– Есть пророчество...

– Разве мой суженый не должен увидеть меня, чтобы влюбиться? Никто не постучится в дверь комнаты, расположенной на верхнем этаже такой высокой башни!

– Это воля богов, а не моя прихоть. Будь послушна, и твое терпение вознаградится.

Надя хотела добавить что-то еще, но сдержалась. Закусила губы, глотая необдуманные слова. Мирослав ждал, но дочь молчала. Тогда он поднялся.

– Что ж, дорогая, мне пора.

– Конечно, папа.

Мирослав поцеловал дочь в лоб и вышел. Он понимал, что разговор не закончен, но продолжать его не мог.

Когда дверь за царем закрылась, царевна села на диван и закрыла лицо руками. Не плакала. Время для слез прошло, хотя молчание отца и его ложь разбивали ей сердце.

...Это было чуть меньше года назад.

Надя привыкла к голосам караульных из-за двери. Они дежурили там днем и ночью, часто болтали. В ночь накануне дня рождения Надя была лихорадочно возбуждена и, как обычно, ожидала чуда. Она лежала в темноте, ловила каждый звук, ждала...

– Когда она уже сдохнет?! – в сердцах воскликнула за дверью Любава.

Надя подумала, что ослышалась.

– Тише! Услышит!

– Хорошо бы.

– Любава!

– Сколько лет мы стоим здесь, Рута? Шесть?

– Хватит...

Сердце Нади забилося в груди как бешеное.

– Быстрее бы сдохла! Неужто правда верит в королевича на волшебном коне? Ей сколько? Шестнадцать? Мажья кровь, а мозгов нет.

Царевна заставила себя сесть и вслушаться в разговор. За дверью презрительно хмыкнули.

– Откуда мозги-то? Она здесь с рождения сидит, ничего кроме баек отца не слыхала. Что наплетет – в то и поверит.

– Слушай, а может, нашептать ей? Скажем, что она чародейка, что, ежели об землю ударится, – птицей станет. Может, прыгнет с крыши-то?

Снова смех. Надя опустила ноги на пол, встала с кровати. Она не верила собственным ушам, ей казалось, что это дурной сон, и она ущипнула себя за запястье. На глазах выступили слезы. Нет. Не сон.

– Царь услышит – покатытся наши головушки, – заметила Рута.

– Не покатытся. Разве переведет на стены, а сюда новых дурех возьмут. Орден Доблести ему в затылок дышит. Если хоть один человек из-за Надьки пострадает – и царю несдобровать. Подпалят дворец, как есть подпалят.

Помолчали.

– Думаешь, слышит нас? – спросила Рута.

– Хотелось бы, – зло процедила Любава, – да навряд ли. Люди по всему городу мрут как мухи, а ей сладко спится. Ни души, ни мозгов, ни совести. Проклятая тварь!

Царевна сжалась. Женщины за дверью замолчали.

Много времени прошло с тех пор. За этот неполный год она увидела и услышала много такого, что раньше ускользало от внимания. Как отец отводит взгляд, как кусает губы пани Ожина и брезгливо морщится от ее случайных прикосновений пан Рукша. Надя до сих пор не знала, за что ее ненавидят. Отец продолжал лгать, наставники – уходить от разговора.

Под потолком назойливо жужжала поздняя муха, раздавались голоса стражниц из-за двери, неспешно танцевала в воздухе пыль. Было душно. Она встала и прошлась по комнате.

Больше Надя не стремилась стать женой сказочного королевича. Возможность тихо жить на краю мира – без дворца, без принцев, без башни-тюрьмы – представлялась сказкой. Ходить по улицам, разговаривать с людьми, смотреть на море – такими отныне были ее заветные желания.

Вот только никто, кроме нее, не исполнит их.

Царевна поднялась по лестнице на чердак, узкий и темный, как шкаф, а затем – на крышу. Здесь в глиняных кадках рос ее сад.

Фигусы, каламондины, карликовый боярышник и апельсины. Все аккуратно подрезанные, ухоженные, почти кукольные в своей искусственной красоте. Царевна прошла мимо кадок и теплицы, подошла к зубчатому парапету и остановилась, глядя на город, раскинувшийся у подножья башни.

Часы в комнате внизу пробили четыре часа пополудни. На Северную Варту уже опустился темный осенний вечер. Ветер разогнал облака. На синем небе разгорались первые звезды. Далеко на востоке двигались над землей как светлячки кабинки канатной дороги, на западе сиял огнями царский дворец.

Иногда Надя представляла, как живет там с мамой, папой и сестрой. Когда она была маленькой, то играла в эту игру. У ее кукол имелась точная копия дворца. Маленькая игрушечная Надя жила в западной башенке, и когда гасили свет, она представляла, что за дверью ждут не стражники, а слуги. Родители спят в конце коридора, и можно прямо сейчас встать и пойти к ним, прижаться к маме, пожелать ей спокойной ночи...

Теперь она стала взрослой. Надя перестала ждать, когда придет мама. Перестала мечтать, что отец заберет ее из башни. Через четыре месяца ей исполнится семнадцать, и теперь царевна смотрела в другую сторону. Туда, куда уходила в темноту канатная дорога.

С тех пор как Надя слышала разговор караульных, она думала о побеге. Просочилась водой сквозь пальцы весна, за ней ушло лето... Так вся жизнь убежит водой, и никто ничего не изменит. Если пророчества нет, то когда закончится ее заточение?

Решение далось легко, но она долго все обдумывала. Внутри башни всегда находились солдаты, пройти мимо незамеченной не выйдет, не стоит и пытаться. Оставался путь по стене.

Она никогда не покидала стен Черной башни, но Надя была девушкой умной, с большой фантазией и прекрасно понимала, что в платье ей по стене не спуститься. Хорошо бы иметь форменную одежду, как у охранниц, но это было невозможно.

Пользуясь советами из «Вестника моды», набором золотых иголок для вышивания и старыми платьями, она четыре месяца шила и перешивала костюм для побега. Рубашку переделала из укороченной ночной сорочки, пошила незамысловатую сумку, которую намеревалась бросить сразу после побега, и оставались брюки.

Брюки не давались.

Она перепробовала множество способов, пока смогла сделать такие, что не разойдутся по швам, пока она будет спускаться по стене. Для верхней одежды Надя присмотрела мужское

пальто, оно ей очень нравилось, но скроить и пошить его сама не смогла, и от этой мысли пришлось отказаться. Наконец все было готово.

Заканчивался второй месяц осени, откладывать побег больше нельзя. У нее лишь одна попытка, и если поймают, то стражники не спустят с нее глаз до скончания времен.

В среду с самого утра было морозно и тихо. Даже ветра не было. Надя так волновалась, что ничего не могла съесть на завтрак.

К девяти утра пришла пани Ожина. Они с Надей провели два урока грамматики – аринский и гроенский языки. Потом был урок живописи и перерыв на чай.

Начался дождь, и царевна с облегчением выдохнула.

Пани Ожина пережидала вместе со стражницами в казарме этажом ниже. Когда она вышла, Надя подошла к оставленной сумке с нитками и записями. Шелковый кошелек был заношенным, уголок порвался и уже не раз штопался. Денег – медяков и потемневших от времени серебряных монет с профилем отца – в нем было мало, но Надя не могла позволить себе позор. Она зубами прокусила нитки, разрывая старую заплатку, бросила один медяк обратно в сумку и спрятала под подушкой остальное. Чтобы не вызывать подозрений, Надя заставила себя съесть весь обед. Гувернантка вернулась, и занятия продолжились до двух часов.

Пани Ожина ушла. Пришел пан Рукша.

География и арифметика прошли незамеченными. Надя слушала, но не понимала. Пан Рукша заподозрил неладное. Смотрел прищурившись.

– Ваши мысли заняты чем-то иным, ваше высочество?

– Простите. Женское недомогание. Ничего, если я сегодня отдохну?

Пан Рукша покраснел и поспешил закончить уроки.

К семи часам вечера дождь сделал передышку. В небе стали появляться проталины чистого неба. Ужин не лез в горло. Надя съела салат и сдалась. Время застыло, как вода в стужу. Минуты тянулись невыносимо долго. Царевна трижды проверила сумку, пыталась читать и наконец заснула в кресле. Проснулась рывком, испугалась, что пропустила все на свете, но, оказалось, что часы только пробили полночь. Ее короткий сон был на пользу: теперь Надя чувствовала себя бодрой и собранной. Она тихо подошла к двери и прислушалась.

Караульные обсуждали урожай, до царевны им дела не было.

Надя переделалась в подготовленную одежду: рубашку, брюки и жакет; сложила в сумку теплое платье, еще один жакет, перчатки и шляпку; составила на кровати ворох тканей под одеялом и вышла на крышу.

Ночь была пронизывающе холодной. Снова начался дождь. Надя забросила за плечи сумку, достала спрятанную в цветочной кадке веревку и подошла к краю крыши. Она обвязала веревку вокруг зубца парапета, дважды проверила узел и подошла к краю.

В жизни под крышей было одно важное преимущество – Надя не боялась высоты.

Царевна села на край парапета и свесила ноги в пустоту. Взялась за веревку двумя руками, повернулась лицом к башне и прыгнула.

На короткое страшное мгновение она зависла над темной землей, веревка натянулась, но выдержала. Царевна уперлась ногами в стену и стала медленно спускаться вниз.

Дождь быстро промочил ее до нитки. Надя боялась, что и руки соскользнут, потому что ноги скользили. Дважды она зависала на веревке, падение останавливали узлы, за которые она хваталась. Ладони стерла до крови. Силы быстро уходили, хотелось разрыдаться от усталости, но она сжимала веревку, готовая вгрызаться в нее зубами. Царевна пообещала себе, что ни дня больше не проведет в башне!

Она сжимала веревку, переводила дыхание и продолжала спускаться.

Дождь мешал, но и укрывал от посторонних взглядов. Стражницы прятались в башне, солдаты почти не выходили из караульного помещения.

Надя смотрела лишь в стену перед собой и думала только о веревке в руках, поэтому, когда ноги коснулись земли, сама себе не поверила. Она стояла на каменной площадке перед башней, но еще несколько минут не выпускала веревку. Хотелось заплакать от облегчения, но царевна понимала, что время радоваться еще не пришло.

Черную башню и плац окружала каменная ограда выше человеческого роста. Надя добежала до нее в месте, где между нею и караульным помещением была башня. Перевела дыхание и схватилась за выступающие камни. Поставила правую ногу в углубление в стене и рывком поднялась на ограду. Подтянулась. Еще раз. Схватилась руками за верхушку стены и с огромным трудом вскарабкалась на нее.

Надя замерла, отдышалась, всмотрелась в улицу за оградой.

Со стороны караульного помещения шел солдат. Голову он не поднимал, сутулился, спасая от дождя шею. Он остановился недалеко от царевны, справил нужду на стену и вернулся к своим.

Надя переждала еще минуту, потом зависла на вытянутых руках с внешней стороны, разжала пальцы и неловко приземлилась на мостовую. Не веря в собственную удачу, царевна выпрямилась и поспешила по мокрым улицам в сторону канатной станции.

Дождь закончился. Потоки воды несли вниз по улицам опавшие листья и нечистоты. Царевна остановилась, когда Черная башня затерялась среди крыш. Она завернула в подворотню, сняла мокрый жакет, достала из сумки платье и надела поверх брюк и сорочки. Затем надела сухой жакет, перчатки и шляпку. Сумку с мокрой одеждой оставила здесь же.

Ночью в Серединном городе было пусто. Надя прошла мимо запертых лавок, через пустую площадь и повернула по улице вниз. Наконец можно было перевести дыхание, башня осталась позади и нужно лишь дойти до станции канатной дороги, чтобы начать новую жизнь, но... Она так привыкла к своей комнате под крышей, к стенам, к окнам, что на пустой улице ей нечем было дышать.

Надя оперлась руками о стену скобяной лавки и попробовала отдышаться, но легче не стало. Улица за спиной казалась наполненной враждебными взглядами, шепотом. Надя повернулась к ним лицом, вжалась в стену. За спиной никого не было, но она кожей чувствовала несуществующие взгляды. Ей казалось, что воздуха вокруг слишком много, он наваливался на нее, топил. Царевна начала задыхаться. Она сползла вниз, уткнулась лицом в колени, сцепила руки.

Что же делать дальше?

«Еще чуть-чуть! Посиди так еще немного!» – умолял трусливый внутренний голос.

Можно сидеть здесь вечно, но никто не придет на помощь, не посочувствует, не возьмет за руку. Царевна заставила себя подняться. Держась за стену, пошла по улице. Шаг вперед. Еще один. И еще!

Она не останется в этом городе. Вопреки увещаниям отца, вопреки собственному разуму. Ни дня больше не будет покорной узницей! Если нужно – поползет по этой улице!

Шаг. Еще один. Понемногу удушье стало отступать.

Серединный город закончился. Надя прошла под аркой каменного акведука и оказалась в Нижнем городе, в Окольнике. Где-то здесь была станция канатной дороги.

Пани Ожина говорила, что здесь живут рабочие. Надя ожидала увидеть темные дома, где люди спят после трудного дня, но, несмотря на поздний час, здесь былолюдно. На деревянных вывесках были выцарапаны кубики с точками и женщины с обнаженной грудью. Улицы нижних кварталов были полны дурно пахнущих, веселых людей. Пан Рукша говорил, что в городе не хватает хлеба, но почему тогда люди так веселятся? Если бы ей грозила голодная смерть, она бы вряд ли думала о развлечениях! Отчего же люди в Окольнике веселятся как в последний раз? Она не понимала.

Снова навалилось удушье. Надя несколько раз свернула не туда и окончательно заблудилась.

Мужчина в потрепанной грязной одежде преградил ей дорогу, дыша в лицо чесноком и самогоном, потянул руки к груди.

Надя взвизгнула и резко повернула в подворотню, наткнулась на мужчину, справляющего нужду, перепрыгнула кучу мусора, побежала дальше по переулку. Здесь воняло мочой, из-под ног выпрыгнуло что-то облезлое: или тощий кот, или большая крыса. Она выбежала на следующую улицу и остановилась.

По правую руку стояли глухие беззаконные склады, по левую – двухэтажные здания контор. На всю улицу горели лишь два фонаря, в начале и в конце. Прижавшись между складами и конторами, в тупике стояла харчевня. На деревянной вывеске было выцарапано: «Сытый заяц». Рисунок толстого зайца, похожего на крысу, подкреплял надпись.

В окнах горел свет, но пьяного кутежа слышно не было. В воздухе пахло свежеструганными досками, мокрыми листьями и супом. Надя вдруг поняла, что хочет есть. Двери были не заперты, и царевна вошла.

Внутри горели свечи. В дальнем углу был сооружен алтарь: стол накрыли черной скатертью, украсили хризантемами, ветками ели и черными лентами. На столе стояла глиняная фигурка одного из богов, тарелка с двумя зелеными яблоками и бутылка вина.

Слева от входа сидели трое мужчин. Они бросили на девушку хмурые взгляды, но приставать не стали. Остальные места были пусты. Пахло гречневой кашей и кислой капустой. В животе у Нади заурчало.

Прямо перед входом была лестница на второй этаж. Хозяин услышал, как хлопнула входная дверь, и теперь спускался посмотреть на позднего посетителя.

– Доброй ночи. Вы работаете?

– У нас траур, панночка. Или вы алтарь не видели?

– Но двери были открыты...

Хозяин раздраженно посмотрел на ужинающих мужчин.

– Посетители настаивали... Шли бы вы отсюда! – решительно закончил он и даже взял Надю за плечо, чтобы выводить на улицу.

– Не тронь девчонку! – крикнул один из мужчин, привставая со стула.

– Шла бы ты, девка... – процедил хозяин сквозь зубы.

– Я останусь, – решила Надя.

Поздние посетители были заняты разговором и не смотрели больше в их сторону. По сравнению с улицами, где она сегодня бродила, здесь было спокойно и безопасно.

– Дай каши, хозяин. Поем и уйду.

Харчевник недовольно покачал головой, но гнать больше не стал. Он принес тарелку обжигаяще горячей каши с салом, с зажаренным до черноты луком и кружку кваса.

Надя наугад протянула серебряную монетку с профилем отца. Хозяин принес сдачу, еще раз бросил недовольный взгляд в сторону тихой компании у противоположной стены и ушел.

Надя принялась за еду.

Это было ее первое блюдо, приготовленное не царским поваром. От кваса Надя немного захмелела. Она была так погружена в свои мысли, что не обратила внимания, как поздние посетители покинули стол и пошли к двери.

Надя рассматривала темную улицу за окном, когда один из мужчин схватил ее за косу и стукнул лицом о стол.

Из носа потекла кровь, она не успела опомниться, а ее уже тащили в дальний угол харчевни. Надю бросили спиной на стол-алтарь, покатались по полу яблоки, она ударилась голо-

вой о глиняную статуэтку бога. Один из нападавших сдавил ей горло и зажал рот ладонью, второй держал ноги, третий – задира л юбку.

Она пробовала вырваться, но держали крепко. Надеяться на помощь было бессмысленно – в харчевне никого не было кроме насильников и глупой девчонки. Рот зажат, нос полон крови, она захлебывалась, задыхалась. Надя поняла, что не имеет значения, чья она дочь и о какой судьбе мечтала. Один необдуманный поступок, одна неосторожность – и не станет ни чести, ни жизни.

Насильник коротко ругнулся, увидев на ней брюки, стал рвать завязки. Надя забилась, как пойманная птица, но вырваться не удалось.

Хлопнула входная дверь. Царевна не могла повернуть голову, видела лишь потолок, но насильники насторожились. Остановились, оценивая нового посетителя. Надя смогла укунуть руку, зажимающую ей рот. Мерзавец вскрикнул и ударил ее по лицу. Она надеялась, что посетитель вмешается, он ведь с порога должен был понять, что происходит, но на помощь никто не спешил. Ей вновь зажали рот. Завязки на брюках поддались, и их начали стягивать.

«Папа! Папочка! Где мажья кровь, когда нужна? Где боги? Где люди?!»

Ее зазнобило. В запястьях, под кожей появилось странное ощущение: кровь наполнялась щекотными пузырьками воздуха. Насильник, держащий ее шею, выругался и отдернул руки, будто обжегся.

Что-то у входа глухо ударило, и в воздухе повис тонкий металлический звон, словно лопнула струна.

Надя ногтями вцепилась в руку, зажимающую ей рот. Ее снова ударили. Беспощадно, кулаком в скулу, затем подняли под руки, стащили со стола и бросили в угол.

– Стой на месте, парень! – рыкнул один из бандитов.

Царевна увидела нового посетителя. Черноволосый, в кожаной куртке и высоких сапогах, какие носят охотники. Он встретился с Надей взглядом, помедлил несколько мгновений и пошел навстречу бандитам.

– Дурак! – процедил сквозь зубы насильник и достал из-за голенища нож.

Незнакомец был высокий, широкоплечий и худой. Он не выглядел, как человек, способный справиться с тремя вооруженными бандитами, и Надя вдруг испугалась, что своим желанием сохранить честь обрекла незнакомца на смерть.

– Нет! Не надо!

Но он легко выбил нож у первого, схватив его за запястье и вывернув руку под жутким углом. Хрустнула кость, нож упал на пол, а бандит завыл, хватаясь за безвольно повисшую кисть.

Второй насильник, тот, что минуту назад стягивал с нее брюки, коротко хохотнул, предвкушая веселье. Он был уверен в себе, он пританцовывал на месте и нож держал крепко. Незнакомец остановился, выжидая. Бандит схватил со стола пустую тарелку, бросил в лицо противнику и сразу же шагнул следом, метя ножом в живот. Надя зажмурилась.

По тому, как грязно он выругался, царевна поняла, что незнакомец не пострадал. Царевна открыла глаза.

Насильник сидел на полу, его нос был расквашен, кровь залила лицо и рубашку. Бандит шумно высморкался в ладонь, размазал сгустки крови по брюкам и попробовал подняться. Черноволосый ударил его ботинком по подбородку. Бандит упал навзничь и больше не двигался. Незнакомец пошел к последнему из мерзавцев.

Щербатый не стал рисковать. Он достал из-за пояса пистолет и выстрелил не целясь, спеша остановить стремительно приближающегося незнакомца. Пуля распоролa куртку, черноволосый вздрогнул, но не остановился. Он уже был рядом с бандитом, перехватил руку, повернул, оружие выстрелило, но пуля ушла в потолок. Черноволосый поднял бандита в воз-

дух и отбросил на стол-алтарь. Ножки подломились, щербатый глухо ударился затылком о пол и затих.

Все заняло не больше минуты.

Надя, онемев, прижималась спиной к стене. В харчевне пахло кровью и гречневой кашей. Никогда в жизни она больше не сможет есть эту кашу!

– Все закончилось, девочка.

Незнакомец остановился рядом.

– Вывести тебя в Серединный город?

– Да.

Она дрожащими руками подтянула брюки, завязала пояс и набросила жакет на плечи, стараясь спрятать разорванный лиф. Незнакомец поднял с пола укатившееся яблоко, положил в карман и закинул за спину рюкзак.

– Пойдем.

На улице он свернул в переулок, Надя – следом. Было темно. Черноволосый двигался быстро и бесшумно, царевна с трудом поспевала за ним. Она несколько раз споткнулась о раздолбанную мостовую, промочила ноги и наступила на крысу. Ее спаситель спешил вперед, не оглядываясь, совершенно не заботясь о том, следует ли она за ним, и Надя сдалась. Остановилась, оперлась руками о ближайшую стену и тихо расплакалась.

Ей нужно успокоиться и спешить на станцию. Скоро посадка на утренний рейс, нужно торопиться, но она не могла двинуться. Ее трясло, хотелось домой, в башню, запереться в комнате, спрятаться под одеялом и умереть.

Надя не ждала, что незнакомец вернется, но, когда справилась с рыданиями и подняла голову, увидела, что он стоит в нескольких шагах от нее. Молчит и ждет.

– Я в порядке, – сказала она темноте. – Я справлюсь.

– Куда тебе нужно, девочка?

Надя молчала.

– Я не часто помогаю людям. Уговаривать не стану.

– К станции канатной дороги.

Он подошел, крепко взял за руку и потянул за собой.

Надя не знала, видит ли он в темноте, но сквозь узкие темные переулки Нижнего города он двигался быстро и безошибочно. Рука у него была прохладная и сухая. От его ладони, от того, как крепко и уверенно он держал за руку, Наде становилось спокойней.

Они шли около часа. Воздух стал сереть, тускло горели уже ненужные фонари. Они были в квартале от канатной дороги, она была хорошо видна на фоне светлеющего неба. Кабины не двигались, значит, идет посадка. Надя мягко высвободила руку и, обогнав незнакомца, рванулась вверх по улице. Оставалось совсем немного, но... Вагоны дернулись и начали двигаться.

Она не успела.

Далеко на западе над домами возвышалась Черная башня. Возможность упущена, Надя никогда не сможет сбежать оттуда. Никогда.

Ей казалось, что ее оглушили. Надя села на ступени ближайшего магазина и закрыла лицо руками. Слезы сами текли из глаз. Царевна старалась быстро их вытереть, но щеки снова становились мокрыми.

Незнакомец вздохнул и сел рядом, достал из кармана яблоко и с хрустом откусил. Прошло несколько минут. Надя выплакалась, успокоилась, вытерла лицо подолом платья.

– Простите. Спасибо за все. Дальше я сама.

Он запустил огрызок в канаву.

– Куда тебе все-таки надо, девочка? Обычно я не предлагаю помощь, но раз уж начал...

– К Черной башне.

– Наверх?

– Наверх.

Она сама удивилась собственной откровенности. Посмотрела на незнакомца.

Ему было около тридцати. Чистое бледное лицо еще не тронут морщинами, но возраст был виден в четком профиле, твердых скулах и подбородке. Волосы коротко подстрижены, как у солдат. Широкие красивые брови, прямой нос, светло-серые глаза и обветренные губы. При других обстоятельствах она нашла бы его интересным.

Незнакомец отвел взгляд первым.

– Думаю, ты поняла, что впредь лучше оставаться в башне?

Не дожидаясь ответа, он встал со ступеней.

– Вставай! Я тебя подвезу.

Он оглянулся по сторонам, проверяя, нет ли случайных свидетелей, и неожиданно свистнул.

Порыв ветра растрепал царевне волосы и, как поземку, погнал по мостовой остатки ночной тьмы. Вниз по улице, к старой акации, раскинувшей ветви-крылья и уже теряющей желтые перышки листьев. Мгла сгустилась в тени ветвей, становилась все плотнее, маслянистее и вдруг обрела форму. По мостовой застучали копыта.

Раньше Надя видела морских лошадей лишь в книжках. В их широтах этим созданиям было холодно. Лошадь была черной, а коротко остриженная грива – синей, как василек, словно ее разукрасили краской.

Лошадь подошла к незнакомцу, и он ласково погладил ее шею. Затем он жестом помянул Надю. Когда царевна подошла, он без церемоний взял ее за талию, посадил на лошадиную спину и запрыгнул сам, заключив девушку в кольцо рук. Лошадь заплесала под седоками, помчалась по улице, трижды ударила копытами по мостовой и взлетела.

Волшебным лошадям крылья ни к чему, но Надя впервые увидела настоящее волшебство и была поражена до глубины души. Внизу плыли черепичные крыши жилых кварталов Серединного города.

Они поднялись так высоко над землей, что линия канатной дороги проплыла под ногами, не дав пассажирам увидеть их. Потом черноволосый пришпорил лошадь, и они быстро понеслись в сторону башни.

Приземлились мягко, прямо на площадку рядом с кадками папоротника. Мужчина спешился, потом снял девушку.

– Не убегай больше.

Надя молчала, опустив голову. Отвечать не спешила. Когда она подняла лицо, на крыше уже никого не было.

Пани Ожина, увидев утром ее лицо, ужаснулась. Приехал отец. Приехал князь Дворжак, начальник городского полицейского управления. Начались допросы.

Надя молчала.

Отец был напуган и зол. Пан Дворжак – вкрадчив и внимателен. Пани Ожина плакала.

Надя молчала.

Допрашивали караул. При царевне и без нее. У всех проверяли руки: искали нападавшего. На короткое мгновение Надя почувствовала мстительное удовольствие. Стоило указать пальцем – Любава и Рута лишатся голов.

Но Надя молчала.

Ее оставили в покое. Караул внутри башни и охрану во внутреннем дворе сменили. Доказать чью-то вину не смогли, так что наказывать было некого. На том и закончили.

Царевна простудилась. Больше недели ее мучил жар и кашель. Пани Ожина ночевала в башне, охраняя покой царевны. Возможность бежать была упущена. Надя сердилась на себя

за доверчивость, наивность и неосторожность. Ее высокое происхождение и большие планы на жизнь не отведут беду! Случиться всякое может даже с хорошими девочками, так как же она могла быть настолько беспечной?!

Шестнадцать лет в одной комнате... Что она знала о людях за стенами башни? Как решилась выйти туда?

Ее учили географии, она знала три языка, умела писать, читать и считать, знала правила этикета, но о жизни – ничего. Помимо учебников у Нади была лишь книга сказок и легенд, изданная десять лет назад для девочек из благородных семей. О добре и зле в книгах писалось однозначно и понятно. Такими она ожидала увидеть их и в жизни. А если злодеи не выглядят злодеями, а добрый человек калечит людей? Как понять, кому верить? Как не испугаться мира за стенами башни до смерти?

Надя ждала кошмаров. Сны вообще были сложной частью ее жизни, о которой она боялась с кем-то говорить. Сердцем она чувствовала, что ни отцу, ни пани Ожине не понравится то, что она видит в снах.

Армия мертвых за ее спиной, страшных, готовых вцепиться в горло всему живому, но совсем не пугающих ее. Сны, где она – черная птица, которая летит все дальше и дальше на север, и от тени ее крыльев там, внизу, умирает земля. Сны, где она запирает огромную тяжелую дверь, оставляя за ней уязвимых спящих людей. Запирает навсегда. Без сожаления... И сколько бы Надя ни рисовала на стенах комнаты розовых единорогов – сны добром не наполнялись.

После всего пережитого она ждала новых кошмаров, но их не было. Восторг от полета, первого в жизни, вытеснил страх. Ей снилась черная лошадь. Они поднимались все выше и выше, от высоты перехватывает дыхание, а впереди вырастала из моря белоснежная вечная яблоня и от ее ветвей зеленело небо...

Мирослав Третий закрыл за собой дверь кабинета, подошел к дивану, сел и устало потер переносицу. Время близилось к полудню, но зимние тучи затянули небо, лишая город света. Он, сам того не замечая, прошептал молитву, и под потолком засветилась лампа Ярока. Привычно отмеряли время часы. Пахло кожей и сигаретами.

Мирослав поднялся с дивана, подошел к письменному столу и достал из ящика серебряный портсигар.

– Приведи ее на бал!

Мирослав вздрогнул и обернулся.

Красивая светловолосая женщина вышла из стены и села на диван. У Мирослава мороз пробежал по коже. Он никогда не видел ее раньше, но узнал сразу.

Мокошь-судьба.

Он медленно опустил руки, перевел дыхание.

– Оставьте ее! – попросил Мирослав. Попросил всей душой, как никогда раньше. – Заберите меня! Мною началось – пусть мною и кончится!

Богиня покачала головой.

– Поздно. У каждого своя судьба, царь. Приведи девочку на бал или быть беде. Для тебя. Для твоей жены и младшей дочери. Для города. Для всего Края.

Он опустился перед ней на колени, но богиня уже исчезла.

Мирослав заплакал.

Суматоху с утра устроила пани Ожина. Это она привезла неожиданные вести: Надя едет на бал.

– Как отец решился?!

– Я удивлена не меньше вас, ваше высочество.

– Пани Ожина, мы достанем за два дня платье?

– Постараемся, ваше высочество.

Платье нашлось. Его перешивали по меркам, без царевны, обещали привезти утром в день бала, но опаздывали. Надя волновалась, не могла засунуть в себя даже ложки каши. Пани Ожина, приехавшая к десяти утра, была страшно ею недовольна.

– Не хватает только, чтобы вы рухнули в голодном обмороке прямо в бальном зале, ваше высочество! Или чтобы у вас заурчало в животе во время танца!

Надя съела остывшую овсянку, яблоко и булочку. Запила холодным чаем.

Потом гувернантка отправила ее купаться и мыть волосы. А затем сама занималась ногтями царевны, вздыхая, что работа в саду вконец испортила ей руки.

Платье привезли в полдень. Атласное, голубое, расшитое лентами и шелковой вышивкой. Такую прелесть Надя видела раньше лишь в журналах мод. Пани Ожина затянула корсет и помогла надеть платье. Затем уверенными движениями собрала волосы в тугую прическу, а чтобы они не вздумали выбиться, вогнала в уложенные на затылке косы сотню шпилек. Надя чувствовала себя подушечкой для булавок. Из шкатулки царевна достала нитку черного жемчуга и наконец подошла к зеркалу – на нее смотрела незнакомка. Красивая, взрослая.

Царевна обняла себя за голые плечи, и незнакомка тоже поежилась, взволнованно всматриваясь в глаза Наде.

Пани Ожина протянула ей веер и маску.

– Не забудьте, ваше высочество.

Бал-маскарад затеяли ради царевны. Она не покидала ранее башни, но была похожа на родителей и ее могли узнать. Надя послушно взяла маску, подержала в руках. Незнакомка в зеркале выглядела испуганной. Пани Ожина ободряюще улыбнулась, ласково пожала ей пальцы.

В дверь постучали.

Мирослав долго смотрел на дочь, потом крепко обнял.

– Папа, все в порядке?

Он не ответил, поцеловал ее в макушку.

– Вас сопровождают. Пани Ожина, не отходите от ее высочества ни на шаг.

Наставница послушно кивнула.

– Увидимся после бала, милая.

Царь вышел, и от Нади не ускользнуло, как он прятал взгляд. Она хотела подумать об этом, но пани Ожина не оставила ей времени.

– Сейчас принесут полдник. Обязательно все съешьте, а я отправлюсь к себе, мне тоже нужно переодеться. Встретимся в карете. Ничего не бойтесь и берегите платье.

Надя послушно кивнула.

Есть полдник она не стала, боясь испачкать платье. О поведении отца Надя уже забыла, поглощенная мыслями о бале. В половине пятого в дверь вежливо постучали. Царевна набросила плащ, взяла в руки маску, перчатки и вышла из комнаты.

Она совсем не так представляла себе полицейский эскорт. Надя ожидала увидеть сутулых мужчин средних лет в зеленых мундирах, а увидела шутов! Угадать их возраст было невозможно – лица покрыты толстым слоем разноцветного грима. Они были одного роста и одного телосложения, один в трико красно-синего цвета, второй – желто-лилового.

Коридоры были пусты. На день отсюда удалили всех из внешней и внутренней охраны. Шуты вывели царевну на улицу. Было холодно, сыро, пахло сухими листьями и дождем, но оглядеться ей не дали. Карета подъехала к самым дверям, и спустя пять секунд царевну уже усадили в нее.

Пани Ожина была в карете. Она осмотрела платье царевны, поморщилась, глядя на растрепанную прическу. Охранники качнули карету, запрыгивая на запятки, и они поехали.

Лошади неслись слишком быстро для узких улочек, полных народа. Кучер ругался, гнал прохожих из-под колес, но скорости не сбавлял. Они замедлились, лишь когда пересекли ворота Серединного города. А у Базарной площади карета встала.

Один из шутов тут же открыл дверь и сел в карету к женщинам, второй пошел разузнать причину задержки. Надя перегнулась через наставницу и выглянула в окно.

Вокруг площади тускло горели фонари. Торговля давно закончилась, но люди не расходились. Толпа гудела, выкрикивала что-то. Пани Ожина, похоже, расслышала больше царевны, потому что резко задернула шторы.

– Сядьте прямо, ваше высочество, – сказала она таким голосом, что Надя почти увидела побежавший по стеклам иней.

Вернулся второй охранник. Он ничего не сказал, но бросил хмурый взгляд на Надю. Потом сел напротив и достал из-под каретных подушек пистолет.

Пани Ожина непроизвольно закрыла Надю рукой, но полицейский лишь криво усмехнулся и оправил шторы. Второй мужчина тоже достал пистолет.

Наде стало страшно. Из разговоров стражниц она знала, что в городе второй месяц не утихают волнения, но не думала, что дела так серьезны.

После дождей часть урожая сгнила в полях, торговцы подняли цены, взволновав и возмутив горожан. Люди требовали помощи от казны и заступничества от царя. Похоже, они не получили желаемого...

Царевна посмотрела на пани Ожину. Наставница сидела прямо, не убрав защищающей Надю руки, смотрела поверх головы полицейского, и Надя вжалась в диван.

Кучер повернул обратно. Они вновь спустились к акведукам Серединного города, там к ним присоединился дополнительный конный эскорт. Возвращаться к Базарной площади не стали. Объездной путь занял больше времени, и когда они подъехали к дворцу, бал уже начался.

Карета остановилась у парадного подъезда.

Здесь было множество карет. Пройти город пешком не составило бы труда, но для городской знати приехать на бал в карете вопрос престижа. Надя рассматривала лошадей.

Гнедые, вороные и рыжие; коренастые, с длинными гривами и умными глазами. Они не могли сравниться с морской лошадию Надиного спасителя, но царевна невольно прониклась к ним симпатией.

Кроме котов, в Варте почти не держали животных. Коты ловили крыс и мышей, царь запретил их трогать, и они жили на улицах большими ленивыми семействами. Коров держать было негде. Когда-то в городе держали скотину, но, когда он разросся, не осталось мест для выгона и скотоводство пришлось оставить. Охотники – жрецы лесного бога – добывали для горожан оленей и диких уток в лесу, с позволения Лешего, тем город и кормился. Лошадей завозили по канатной дороге с Побережья. Собак держать позволяли себе лишь охотники.

Однажды у Нади тоже был щенок. Он прожил в деревянном домике у нее на крыше два месяца, а потом умер. Любава сказала, что «отравился цветочками». Больше домашних питомцев Надя не заводила...

– Нам пора, ваше высочество!

Царевна надела маску и в сопровождении пани Ожины и шутов последовала к главной лестнице.

Дворец, наполненный стеклянными лампами с кровью солнечного бога, сиял как солнце. Стражницы в башне называли такие «кровавками». Лампы разных форм и размеров, дворец украсили ими снаружи и внутри, было светло как днем.

Всего во дворце было три бальных зала: Желтый, Розовый и Зеленый.

Первые два, переходящие друг в друга через широкий арочный коридор, – на первом этаже. Зеленый занимал большую часть второго.

В Розовом зале гости приветствовали друг друга, вели неспешные беседы, угощались закусками и пили игристое вино. В Желтом – тихо переговаривались, ожидая выхода царственного семейства. Отсюда на второй этаж шла широкая мраморная лестница, упирающаяся в большие центральные двери, призывно распахнутые для гостей, слева и справа перед входом в Зеленый бальный зал ответвлялись узкие боковые коридоры, охраняемые гвардейцами.

Герольд представил Надю и пани Ожину как пани Плющ с дочерью Анной из Маринграда. Они прошли по залу и остановились у окна.

Надя сжимала в руке нетронутый бокал вина. Она вдыхала соленый аромат морских закусок, кислый аромат вина и тонкие нити запахов: мускус, амбра, жасмин, ваниль, лимонграсс, кожа – духи. Толпа вокруг была яркой, изысканной: дамы в вечерних платьях, затянутые в корсеты с обнаженными плечами в жемчугах и бриллиантах; мужчины в черных фраках, галантные, улыбочивые. Они бросали заинтересованные взгляды на двух незнакомок, но Наде было не до людей вокруг – перед глазами темнело. Слишком много людей! К ней долетали обрывки разговоров. Толпа вокруг шелестела, шуршала, шептала. Надя вежливо улыбалась пани Ожине и старалась не показать, как ей плохо. Наде казалось, что воздуха в зале уже не осталось.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Надя попробовала отвлечься. Она стала рассматривать людей вокруг. Молодая женщина в голубом и юноша в лиловом мундире оживленно обсуждали что-то, стоя у окна напротив. Сердце Нади забилося быстрее. Юноша стоял к царевне вполборота, и она могла вдоволь налюбоваться им. Высокий и широкоплечий, светлые волосы выгорели под южным солнцем до белизны, большие синие глаза, высокие скулы...

Надя отвела взгляд. Это не для нее. Все осенние балы принадлежат Василисе. Надю ждет другая судьба, она выбрала ее сама – маленький домик на острове Вит.

Она тронула пани Ожину за локоть.

– Так много людей... Пожалуйста, выйдем на балкон!

Пани Ожина взяла царевну под локоть и стала пробираться сквозь толпу к выходу. Надя случайно задела плечом прекрасного юношу, он рассеянно посмотрел на нее.

– Простите, – смущенно сказала царевна, но между ними уже засмеялись, заплясали шуты, мешая разговору, и пани Ожина увлекла ее через толпу к выходу на балкон.

Они так и не успели выйти из зала, как герольды заиграли в трубы. В зале мгновенно наступила тишина.

– Царь Мирослав с супругой Тамарой и дочерью Василисой!

У Нади сжалось сердце.

– Выйдем? – участливо спросила пани Ожина.

Надя отрицательно покачала головой. Гости почтительно расступались, пропуская царственное семейство через Желтый зал. Царь, неся на губах тень вежливой улыбки, вел под руку жену.

У Нади больно кольнуло в груди.

Царевна давно вычеркнула мать из сердца. Уже целых полтора года она не ненавидела ее и не мечтала о встрече, почти заставила себя считать ее мертвой, но сейчас сердце сжалось, потому что Надя была копией матери, только младше на двадцать лет.

Черные, густые волосы царицы Тамары заплетены в косы и уложены на затылке. Карие глаза в камышах черных ресниц смотрят жестко и пристально. Никто и ничто не ускользнет от их внимания. Царица задержала взгляд на провинциалке в неловко скроенном платье, которая посмела не снять маску. Ресницы раздраженно дрогнули, отмечая чужой промах, и взгляд заскользил дальше.

Наде показалось, что ее заморозили.

Она стояла бледная, с похолодевшими руками и обескровленными губами и не могла шелохнуться. А следом за родителями в зал уже входила царевна Василиса. Русоволосая и голубоглазая – вся в отца. На ней было безупречно подогнанное лазурное платье из дорогого шелка. На хорошенькой головке сияла маленькими камнями-звездами диадема.

Царь с женой и дочерью прошли через Желтый зал и поднялись на второй этаж. Музыканты тронули струны, дунули в трубы, ударили в литавры – и дворец наполнился музыкой.

Надя с пани Ожиной остались внизу.

– Пойдем туда позже, да? – спросила царевна.

Пани Ожина кивнула.

Им снова подали игристое вино, и на этот раз Надя отпила из бокала. Пани Ожина молчала, понимая, что любой разговор будет лишним.

– Смотри – бог ветра.

Надя посмотрела. Невысокий светловолосый юноша не был похож на бога. Впрочем, о богах царевна знала мало, отец не любил говорить о них, и гувернеры следовали его примеру.

– Будьте осторожны, он любит морочить головы молоденьким девушкам.

Бог-ветер словно подслушал. Обернулся и, улыбаясь, пошел в их сторону.

– Добрый вечер, прекрасные незнакомки! – сказал он, останавливаясь напротив.

Пани Ожина низко поклонилась. Надя не спешила – она не знала, кланяются ли царевны богам.

На первый взгляд, Эолу было столько же, сколько и ей. Пшенично-желтые волосы, голубые глаза, россыпь веснушек по лицу, лбу и шее. На нем был костюм мальчика-пажа: голубая курточка, шаровары и шапочка. Он был немного смешон и совсем не примечателен. Может, пани Ожина ошиблась? Может, мальчишка просто назвался именем бога, чтобы привлечь к себе внимание?

– Так нельзя, – улыбаясь, ответил ее мыслям юноша. – Я слышу все разговоры о себе. Каждого, кто произносит мое имя. Обычно это останавливает нахалов.

Юноша наклонился, вглядываясь в ее лицо.

– Я тебя знаю?

Пани Ожина попробовала отеснить его от Нади, шагнула вперед, заслоня девушку. Эол нахмурился.

– Кажется, знаю...

Надя не ответила.

– Нам пора! – заторопилась пани Ожина.

Она схватила царевну за руку, потянула к лестнице. Шуты заслонили их от Эола, но сбить его с толку не смогли. Он оттолкнул одного из охранников и схватил Надю за руку. Порыв ветра взметнул шторы за спиной царевны, и они оказались в другом месте.

Эол все еще сжимал ее запястье, разглядывал лицо. Ни пани Ожины, ни охранников рядом не было. Надя бросила короткий взгляд вокруг. Судя по малахитовой отделке стен, они были в Зеленом зале, на втором этаже. Что ж, хорошо, что он не отнес ее на другой конец Варты!

В бальном зале было светло, людно, но почему-то тихо. Люди не двигались, застыв пойманными в янтарь бабочками. Остановились слуги с подносами, замерли танцующие пары и музыканты. Надя повернулась к Эолу:

– Что вы сделали? Зачем?

– И правда, зачем?

Одна из танцующих пар распалась. Девушка в розовом платье и в розовой маске, усыпанной блестками, отпустила руки партнера и шла к ним.

– Смотри, сестра, кого я нашел!

– И кого же?

Слева от них сбросила оцепенение брюнетка в красном. Она поставила бокал с вином на поднос замершего официанта и тоже подошла.

Девушки, в красном и в розовом, были двойняшками. Обе светлокожие, невысокие, с одинаковыми чертами лица, но девушка в розовом – голубоглазая блондинка, а в красном – кареглазая брюнетка.

– Так кто же это? – еще раз спросила девушка в красном.

– Это Надежда. Черная царевна.

– Та самая?! – восхитилась блондинка в розовом.

Эол кивнул, довольный собой.

– Сними-ка маску, смертная.

Розовая, не дожидаясь, протянула руку к лицу царевны. Надя отступила на шаг.

– Ой, какая пугливая! – рассмеялась Красная. – Сними маску.

Надя не двинулась.

– Снимай маску, человеческая девка, и преклони колени перед своими богами!

– Ни одному из вас я не молилась прежде и сейчас кланяться не стану!

Надя испугалась, но голос не выдал ее. В тишине замершего зала он прозвучал уверенно и громко.

– Ты что позволяешь себе, тварь?

Голос Розовой зазвенел в хрустале люстр, треснул разбитым стеклом. Надя вспомнила сказки о людях, навсегда превращенных в птиц, зверей и придорожную траву из-за того, что дерзили богам, но отступать не позволяло чувство собственного достоинства. Она знала, как много боги сделали для мира, но никогда никому из них не поклонялась и не видела повода начинать сейчас.

– Эта дурища не понимает, с кем имеет дело, – лениво промурлыкала Красная.

– Вы – Пасия Грина, богиня похоти. Вы – Милость, богиня чистой любви, и вы, Эол – бог-ветер. У вас нет власти надо мной.

Красная улыбнулась. Розовая была рассержена. Эол откровенно забавлялся.

– Девочка права. Подите все прочь.

Никто не видел, как и откуда появилась эта женщина. Высокая и красивая, в серебряном платье, черноволосая и черноглазая, она стояла посреди зала. Боги, не смея даже взглянуть на Серебряную, расступились. Женщина протянула Наде руку, жестом предлагая следовать за ней, и Надя пошла. Они прошли через зал мимо застывших гостей и остановились у лестницы, спускающейся в Желтый зал.

И тут словно кто-то шумно выдохнул, впуская в зал воздух, музыку и жизнь: пары закружились, официанты заспешили, зашелестели платья, запели трубы. Женщина в серебре улыбнулась.

– Я рада нашей встрече, девочка.

Царевна смущенно улыбнулась и сняла маску.

– Ты хорошенькая.

– Спасибо.

– Теперь слушай меня очень внимательно, девочка.

Серебряная положила руки царевне на плечи и посмотрела в глаза, хмуря красивые брови.

– Сегодня начинается твое путешествие. Ты многое сделаешь, многое услышишь и многое переживешь. Запомни этот вечер, следуй и впредь своим словам: никогда ни о чем не проси богов. Каждая твоя просьба, каждое обещание обернется ножом в спину ближнего. У тебя особая судьба и особые отношения с богами, девочка. Это первое. И второе: покинуть город ты сможешь лишь через лес. Сядешь на канатную дорогу – умрешь.

– Через лес? Это возможно?

– Я дам тебе проводника.

И богиня исчезла. Надя смяла в руках маску и перевела дыхание. Странный вечер, подумала она и вдруг поняла, что очень устала и хочет домой, в башню.

– Ну что, смертная, закончим разговор?

Царевна обернулась. Любовь и Страсть – Милость и Пасия Грина – стояли, взявшись под руки.

– Что бы тебе ни обещала тетушка, у нас тоже есть немного власти, спесивица, – сказала Пасия.

– Грубить старшим очень невежливо. Мы такого не прощаем, – сказала Милость.

– Когда ты встретишь суженого – не узнаешь его, – сказала Страсть.

– А когда узнаешь – расстанетесь навеки, – сказала Любовь.

Милость сняла усыпанную блестками маску, на ее курносом носике остались серебряные веснушки. Маска рассыпалась, превратилась в конфетти. Милость дунула на ладонь, и конфетти полетело Наде в лицо. У царевны закружилась голова. Она заморгала, попробовала убрать блестки с лица. Богини пропали.

В Зеленом зале взорвалась бомба.

Удар горячего ветра опрокинул Надю на пол, а потом вокруг посыпались куски людей.

Рука в желто-лиловом рукаве, изящное женское ушко с бриллиантовой сережкой, обгорелое безрукое тело... Те, кто выжил, бросились к лестнице. Надя не успела подняться на ноги, закрыла руками голову и замерла. О нее спотыкались, больно били ногами, вырвали клочок волос, а потом царевна осталась одна.

Она убрала руки от лица, встала на колени, затем, держась за стену, поднялась на ноги. Подол платья разорван, измазан каблуками и забрызган кровью. Шелковые чулки оплавились, кожу нестерпимо жгло. Надя ладонями потушила тлеющие чулки. Шатаясь, пошла к перилам лестницы. Уши словно наполнила вода. Она делала звуки глухими, еле различимыми.

Всюду была кровь. Кровавые следы от изящных маленьких туфелек и от ботинок. Пахло горелой тканью и жареным мясом. Царевна схватилась за перила, и ее стошнило.

Желтый зал у подножья лестницы стали заполнять люди. Но не пожарные и не гвардейцы – бедняки. Измученные, пьяные и злые. Надя видела таких на улицах Окольника. Стало страшно.

Люди без остановки что-то кричали... Громко, упиваясь собственным криком, смелостью и отчаянием. Царевна не сразу расслышала слова, но они пробились к ней.

– Долой Проклятую! Долой царя!

– Смерть Черной Надьке!

– Поджечь дворец!

– Поджечь башню!

Она не сразу поняла, что это о ней. Надька. Башня. Проклятая...

Царевна попятилась назад в изувеченный Зеленый зал, полный мертвецов, потому что увидела там другой выход. Дальше все пошло обрывками.

...Платье горит, одну из туфель потеряла, вторую сняла сама. Вокруг мертвецы и огонь. По полу разбросан серпантин, конфетти, сброшенные маски и останки людей. Она идет через зал, будто по дну океана, медленно переставляя непослушные ноги. Перед глазами все плывет. Надя думает об одном: не упасть!

...Кто-то крепко держит ее под локоть. Они уже прошли зал, впереди начинается коридор. Дверь сорвало с петель, там можно выйти. Позади трещат под ударами стены дворца, звенит стекло. От страха – липкого, всепоглощающего и тошнотворного – у Нади темнеет в глазах, но спутник уверенно выводит царевну из зала. Все равно, кто ведет ее. Но она чувствует под тканью пиджака твердую, словно отлитую из металла руку...

...Надя с трудом размыкает опаленные ресницы. Она лежит на подушках, укрытая солдатской шинелью южного образца. Диван под ней покачивается, стучат за окном копыта лошадей. Карета?

Она приподнялась на подушках.

Напротив сидит прекрасный юноша в лиловом мундире. Он смотрит в окно, и свет фонарей пробегает по его лицу. Красивое лицо. Оно перепачкано сажей, капли пота проложили дорожки по лбу и щекам. Выражение сосредоточенное. За окном кареты проносится ночной город. Плышет вслед за ними голубая зимняя луна. Воздух холодный, острый, жалит обнаженные плечи и обожженные ноги. Ей плохо, но так приятно видеть рядом красивого юношу! Он заметил, что девушка пришла в себя. Что-то спросил, но царевна молчит. Губы и язык онемели, не желают слушаться. Надя лишь улыбается ему...

...Мужчина средних лет, в сером сюртуке, на носу пенсне в серебряной оправе. Доктор? Он светит в глаза фонариком.

– Вы как себя чувствуете, панночка? Можете говорить?

Надя хочет ответить, но не получается. Губы словно запечатаны. Она пробует покачать головой и начинает снова проваливаться в темноту.

– Оглушило взрывом, ваше высочество, – поясняет кому-то доктор. – Дайте ей пару дней...

Надя открыла глаза. Ночь. Она в комнате одна.

Царевна села на кровати, прислушалась к себе. Руки перебинтованы, ноги перебинтованы, больно, но можно терпеть. Темно. Под потолком блестела в полутьме лампа-кровавка. Надя хотела бы зажечь свет, да не знала слов. Этим молитвам ее не учили.

Она осторожно поднялась с кровати и подошла к окну.

Ушла за крыши домов луна, готовясь к рассвету, но на улице светло. Словно кто-то набросил на лампу голубой платок. Свет призрачный и мягкий, звезд не видно. Улица за окном чистая, пустая и безлюдная. Напротив ломаная линия домов с темными окнами. Нижние этажи каменные, верхние – кирпичные. Это Серединный город.

Царевна вернулась в кровать.

Она хотела позвать кого-то из слуг, но губы размыкались, а слова оставались в горле.

Где отец? А пани Ожина? Живы ли? Что случилось во дворце? О ком кричали люди? О ней? О Наде? Она не заслужила таких слов!

«Завтра. Разберусь во всем завтра».

Утро не принесло ответов. Наде, по заказу ее спасителя, доставили из магазина готовое платье, новые чулки и туфли. Приходил доктор и снова осматривал ее. Потом пришел светловолосый юноша в сопровождении двоих телохранителей.

– Я понимаю, что вы не можете отвечать мне, госпожа, – сказал он с легким южным акцентом, – но нам придется поговорить.

Один из телохранителей придвинул к кровати стул, второй поставил на него чернильницу и положил лист бумаги.

– Как я понимаю, вы были гостьей на балу, а значит, вы – девушка грамотная. Я буду задавать вопросы, а вы отвечайте.

Он показал на бумагу и помолчал, ожидая ответа. Надя утвердительно кивнула. Юноша улыбнулся.

– Сначала представлюсь. Меня зовут Елисей Моринденизский. Как зовут вас, госпожа?

Царевна взяла в руки перо и помедлила. Что писать? Правду? Солгать? Елисей отнесет записку в полицию, и там быстро выяснят, что девушки с выдуманным именем на балу не было. Что делать?

«Я не знаю».

– Откуда вы?

«Не знаю. Темно в голове».

Не могла она рассказать ему правду. И врать не могла: он точно поймает на лжи!

Но ее уклончивость не принесла облегчения – Елисей не верил ей. Надя видела это по его глазам, но укорить ее было не в чем. Он досадливо хмурился. Надя прикусила язык так, что на глазах выступили слезы. Королевич тяжело вздохнул и отвел взгляд.

– Доктор говорил, что вас сильно оглушило взрывом. Это пройдет. Отдыхайте пока. Если что вспомните – скажите.

Надя кивнула, вытерла глаза.

Вскоре пришла сиделка. Елисей нанял женщину грамотную, с ней можно было поговорить, расспросить про дела во дворце. Маруся сначала понравилась Наде. Маленькая, подвижная, как ящерица, словоохотливая и приветливая, она много улыбалась и много говорила.

– Царь? В порядке он. Жив-здоров. И царица, и царевна. Все внизу были, когда рвануло. Знаете, панночка, жаль тех, кто помер там, жаль, да только все к тому шло. Гору выскребли, шахты закрыли, люди который месяц без работы, без денег сидят. Кто мог – на юг подался, да сколько осталось? Старики, бабы... Марку поклоны бьют, да не помогает. И не поможет, попомните мои слова! Пока в нашем городе Проклятая сидит, ни один бог нам не поможет. Чего ж хотел государь? Надо было черную девку сразу из города гнать, как родилась.

Надя кусала губы, а сиделка поправляла подушки, меняла повязки на обожженных ногах и ладонях, бережно втирала мазь и говорила, говорила... Надя сжимала зубы.

– Это я так Черную Надьку зову. Будь она неладна!

«Почему ее так не любят?» – писала Надя крупными буквами.

Маруся горько засмеялась.

– Да уж, панночка. Много можно забыть, да о Черной царевне знать надобно, от нее все горе в мире! Видно, сильно вы головой приложились, раз такого не помните...

Она вздохнула.

– Лет семнадцать назад началось все. Царь Мирослав только год правил. Жену нашли ему из Лучезарска, свадьбу отыграли на весь мир, и тут царь слег. Болезнь страшная! Кровью харкал, гнил заживо. Врачей созывали со всего Края, да те только разводили руками. За неделю от царя – молодого и крепкого – одна тень осталась. Моя мамка среди сиделок была. Домой приходила – плакала. Говорила: «Молодой государь совсем мертвец, только молитвами жизнь в нем теплится».

Маруся покачала головой.

– Молодая царица не в себе от горя была. Да... Много о ней судачили. Говорили, что от большой любви она все учудила, да какая там любовь, когда женаты без году неделя? В Лучезарск возвращаться не хотела, вот что. Ежели бы Мирослав помер, царем бы его брат младший становился. Ее быстро батюшке с матушкой вернули бы, кому такое по нраву? Вот тогда она и удумала... – Маруся понизила голос, наклонилась к Наде. – Были в роду у Тамары-царицы чародеи и колдуны. Сама она силы такой не имела, но хранила черные книги. Когда стало ясно, что не жить царю, открыла она черные книги и вычитала, как его спасти. Когда смерть к кровати подошла, заслонила она супруга белым телом. Заклинания тайные прочитала и заключила с богом-мертвецом черный договор: вместо жизни мужа обещала своего первенца.

Сиделка продолжала:

– Через восемь месяцев родилась у царицы дочь. От чьего семени то дитя – поди узнай. Она уверяла, что родила до срока, потому как за мужем убивалась, да в городе шептали – от мертвеца понесла.

Надя сжимала побелевшими пальцами простыни.

– Царь, понятное дело, отдавать дочь богу-мертвецу не хотел. Жрецы сразу сказали, что надо девчонку в черную ночь в землю зарыть и сверху кровью черного петуха полить. Ну а царь – ни в какую. Говорит: «Если она нужна ему, пусть сам придет и заберет». Посадил девку в Черную башню, куда богам хода нет, и стал ждать, что все обойдется. Да только боги шутить не любят. С того дня начала руда из горы уходить, лес разросся, на южные берега нежить из моря полезла. Умные люди говорят царю: отдай Надьку ее суженому, а царь на своем стоит. Держит это отродье посреди города, а на простой люд ему плевать.

Надя непослушными пальцами выводила вопрос:

«Зачем она богу мертвых?»

Маруся пожимала плечами.

– Не наше то дело, девонька. Может, царская кровь на вкус сладка, а может, баба для утех нужна. Он хоть и бог, а в штанах-то мужик, да зазорно ему для такого дела простую девку брать.

«Но вы же сказали, что она ему дочкой может быть?»

Женщина покачала головой.

– Эх, простая ты душа, девонька! Даже люди таким не гнушаются, хоть и след, а у богов иные законы: брат с сестрой детей родят и нет в том греха.

Когда Маруся ушла, Надя долго сидела на кровати, вцепившись руками в простыни. И чем больше думала, тем больше ненавидела город и людей в нем.

Бежать! Бежать из Варты!

Бежать?

Что будет с папой, если она не даст о себе знать? Весь город вздохнет с облегчением, но что будет с ним? Она, конечно, напишет письмо, что жива, когда доберется до соседнего города, но ему придется несколько дней жить с мыслью, что она мертва. Наде до глубины души было жаль отца, но даже ради его спокойствия она не останется в городе!

Прочь от ненависти и грязи! Прочь от глупых пророчеств и лживых вымыслов! Прочь.

Князь Любомир Дворжак, начальник полиции Северной Варты, открыл окно, впуская в комнату порыв сырого ветра, и вернулся к столу. Он посмотрел на гостя, изобразив на лице печаль.

– Примите мои соболезнования касательно вашей сестры, ваше высочество.

Елисей Моринденизский смотрел жестко и решительно.

– Давайте к делу, ваше сиятельство.

– Хорошо, – улыбнулся Любомир. – Мои люди день и ночь патрулируют город и станцию. Я приказал останавливать всех одиноких девушек и тащить в полицию для выяснения личности. Где бы она ни была – не сможет прятаться вечно. В городе у нее нет друзей, кроме отца и гувернантки, а я не спускаю с них глаз. Дайте мне еще несколько дней, и мы ее найдем. Тогда можете делать с ней все, что пожелаете.

Любомир посмотрел в окно и почти равнодушно спросил:

– Вы оставите ее в живых?

Красивые губы Елисея искривила презрительная усмешка.

– Мы еще не решили.

Он поднялся и положил на стол перед Дворжаком сверток, постучал по нему пальцем.

– Здесь задаток, о котором вы договаривались с моим отцом, и подарок. Чародейский плащ. Мы с вами не знаем, насколько она сильна в магии, поэтому давайте подготовимся. Плащ не даст ей колдовать.

– Передайте вашему отцу мою глубокую благодарность. Я могу быть еще чем-то полезен?

– Вы еще не узнали о судьбе моей сестры?

– Мне очень жаль, ваше высочество, но лучше готовиться к худшему. Мы не смогли опознать больше десятка человек. Боюсь, ваша сестра среди них.

Замолчали. Елисей смотрел в пол. Любомир ждал.

– Еще раз – примите мои соболезнования, ваше высочество...

Королевич поднял взгляд. Высокомерный и насмешливый.

– Благодарю. Полагаю, хотите обсудить вторую часть оплаты?

Князь Дворжак не стал юлить, развел руками.

– Я не знаю, насколько доверительные отношения сложились между вами и отцом, – сказал Елисей, – но гибель моей сестры на балу, который охраняли ваши люди, не добавляет веры. Не заблуждайтесь на мой счет, ваше сиятельство. Я молод, но не наивен. Какие у меня основания верить, что вы передадите нам настоящую Черную царевну, а не подделку? Что помешает вам взять деньги, отдать фальшивку, а настоящую девчонку закопать в лесу, как предписывает кодекс Рыцарей Доблести?

Любомир улыбнулся:

– Я повторю вам то, что говорил уже в письме вашему отцу, ваше высочество. Золото для меня ценнее жизни одной девочки с мрачным проклятием, а наши добрые отношения в дальнейшем – ценнее сиюминутной выгоды. Обстановка в Варте такова, что скоро здесь может появиться новый царь и дурная слава о городе нам ни к чему. Мы слишком долго торговали страхом и, как показывают события последних дней, напрасно. Пусть покинет наш город навсегда, мне этого достаточно. Вы получите все, что вам обещали. Это дело чести для меня.

Елисей хлопнул ладонями по подлокотникам кресла и решительно поднялся.

– Я рискую большими деньгами, ваше сиятельство, но вы рискуете своим добрым именем.

– Безусловно. Выпьем за удачную сделку?

– Пока рано. Прощайте!

Елисей вышел, а Любомир налил себе бренди. Жаль, что этот породистый щенок во время взрыва оказался на улице. Проклятые южные папиросы!

Королевна Хенни – слабая карта. Веит никогда не дорожил дочерьми. Кроме мальчишки она никому не нужна. Что же, придется придержать эту карту до лучших времен. Король Веит не вечный, а все знают, как он расположен к младшему из сыновей.

На улице Елисей сел в неприметную потрепанную карету. Из охраны с ним были двое. Ружья не убрали.

– Что скажете, Ллойд? – спросил Елисей, задерживая шторы. – Нашли нужного человека?

– Так точно, ваше высочество. Сержант Когут служила в личной охране царевны и согласна опознать ее для нас.

– Что просит?

– Место в гвардии Морин-Дениза и денег.

– Вы объяснили ей, что в нашей гвардии женщины не служат?

– Так точно, ваше высочество. Мы сторговались на месте в охране королевы Марии в Дирсте, но при условии, что сержант окажется нам полезна.

– Хорошо. Вы назначили встречу?

– Она будет ждать нас у Базарной площади.

Елисей одобрительно кивнул и откинулся на диванные подушки.

Весь день дул ветер, заволакивая город облаками. Снова приходила Маруся. Она поменяла повязки, помогла Наде поесть и принять ванну. Ушла после пяти. Царевна вежливо улыбнулась ей на прощание, хотя внутри все переворачивалось.

Она думала над ее словами прошлой ночью, думала днем. Голова шла кругом. Надя слышала все своими ушами, видела своими глазами, но разум отказывался принимать происходя-

щее за правду. Вот она: царевна Надежда Мирославовна, шестнадцати лет от роду, всю жизнь провела в башне и никому не причинила зла ни словом, ни делом, ни в мыслях. Так откуда эта ненависть? Как бороться с ней? Как опровергнуть?

Бежать? Оставить сошедший с ума город за плечами и никогда не оборачиваться? А как же отец? А Елисей? Оскорбить неблагодарностью красивого благородного королевича? Может, есть иной путь?

С грохотом распахнулось окно. Полетели по полу осколки стекла. В комнату ворвался ледяной ветер, запутался в шторах, смахнул со стула исписанные листы бумаги, опрокинул чернильницу.

На звон стекла в комнату вбежали охранники Елисея. Послали за хозяином гостиницы. Тот явился незамедлительно, заохал, зацокал языком. Надю перевели в номер напротив. Здесь тоже было чисто, красивые шелковые обои на стенах, но окна выходили во внутренний двор гостиницы.

В комнате пахло жареным луком с кухни и плесенью. Надя ждала, пока служанка постелет свежие простыни, смотрела в окно на темнеющее небо. Думала.

Открыться Елисею? Он не житель Варты, а значит, свободен от городских предрассудков. Он может забрать ее на Побережье, возможно даже проведет через лес, как приказывала серебряная богиня...

На минуту Надя и сама поверила в свою фантазию. Она представила, как они едут по лесу, спасаясь от преследователей, как бросаются в ноги королю Веиту и тот, сжалившись над молодыми, прощает и позволяет пожениться...

Царевна горько усмехнулась.

Которой женой она будет? Знать Побережья имеет право на многоженство. У короля Веита три супруги, а сколько будет у красивого Елисея? С чего королевичу влюбиться в нее? Отец не может предложить ему в жены даже Василису, дочь, которой не стыдится. Так на что надеяться Наде?

Служанка закончила поправлять постель и вышла из комнаты. Внизу во двор въехала карета. Надя прижалась к стеклу, но тут же отпрянула: Елисей вернулся не один. Надя узнала женщину, которая вышла из кареты за королевичем и которой он не подал руки. Любава Когут.

Что это значит?! Елисей заподозрил обман? Или это какая-то немыслимая случайность? Времени гадать не оставалось. Надя поспешно подошла к двери и заперлась. В ее предыдущей комнате замка внутри не было. Здесь не успели снять? Или это случайность?

В коридоре раздались шаги. Царевна стояла перед дверью. Руки дрожали. Они прошли мимо ее комнаты, хлопнула дверь. Не к ней.

Ждать дальше нельзя! Надя отодвинула гвозди, прижимающие раму, и распахнула окно. Внизу была крыша кладовки. Царевна перекинула ноги за подоконник, посидела немного, прислушиваясь к шагам охранников за дверью, и прыгнула вниз. Черепица под ногами затрещала, но выдержала. Надя подождала, не появится ли кто-то посторонний.

Осенний вечер был по обыкновению темен. Во дворе никого не было: обед закончился, до ужина еще далеко. Слуги старались держаться поближе к кухне, откуда на улицу падал свет. Двое поваров вышли подышать в пятачке падающего света. Надя присела на корточки и наблюдала. Мужчины громко поговорили о Соньке из бакалейной лавки и вернулись в кухню, прикрыв за собой дверь. Царевна соскользнула с крыши вниз, зависла на вытянутых руках, стиснув зубы – ладони все еще были перебинтованы, – и прыгнула в грязь. Затем через въезд для карет вышла на одну из боковых улиц и пошла прочь от гостиницы.

В этот час конторские служащие возвращались домой, запирались на ночь лавки, и на улицах Серединного города былолюдно. У Нади уже привычно сдавило виски, зашумела в

ушах кровь. Она наклонила голову, сосредотачиваясь на брусчатке под ногами. С каждым разом ей это давалось легче.

Улицу пересек полицейский патруль. Надя вошла в ближайший открытый магазин, пропуская полицию, осмотрелась.

Это была кондитерская. Стеклованная витрина сияла чистотой, открывая взгляду красивые, но уже немного заветренные корзинки с кремом и тонко нарезанные кусочки тортов. Полы были недавно вытерты и влажно блестели, отражая желтый свет лампы Ярока под потолком. Пахло удивительной смесью ванили, корицы, шоколада и жженого сахара. Хозяин кондитерской – плотный, лысый и хорошо одетый господин – протирал прилавок, бросая на Надю внимательный взгляд.

У окна стояли три маленьких круглых столика. Царевна выбрала тот, что ближе к окну. На стуле лежала забытая кем-то стопка смятых листов – еженедельник новостей.

– Вам что-то принести, пани?

– Чашку чая, пожалуйста, и что-то свежее из выпечки.

Хозяин ушел за прилавок, и Надя развернула еженедельник. Статью о взрыве напечатали на первой странице.

...Все началось два месяца назад, когда власти подтвердили, что закрывают шахту и завод. Возмущенные и испуганные горожане пришли к дворцу с просьбами о помощи. Его величество уверил, что всем поможет. Людям раздали довольствие и уговорили разойтись.

Прошел месяц. Пайки закончились, и люди снова пришли к дворцу. Царь снова пообещал решить вопрос, но доведенные до отчаяния люди не желали расходиться. Они требовали выгнать из города Проклятую или наконец принести ее в жертву Анку!

Как обычно, государь отреагировал вяло и неопределенно. Прогонять собравшихся не приказал, понадеялся на осенний холод и дожди, а сам занялся подготовкой к осеннему балу.

Развязка, хоть и ужасная, казалась очевидной.

Голодные, обозленные люди от Базарной площади переместились к дворцовым стенам. Сначала злого умысла не было. Зачинщики желали просто привлечь внимание царя и его гостей к своей беде, но у ворот их встретили гвардейцы. Сложно сказать, кто первый открыл огонь, но последствия не заставили себя ждать – толпа пришла в неистовство. Ценой нескольких жизней оружие у гвардейцев отобрали и ворвались во дворец.

О том, кто был бомбистом, существовало несколько мнений.

Полиция утверждала, что это один из шахтеров. Он устроился на дворцовую кухню, а затем пронес с собой на бал тротил. Полиция настаивала, что столкновения возле дворца и взрыв на балу произошли в один вечер лишь по несчастному стечению обстоятельств и заговора тут нет. Люди в городе считали иначе.

Расследование продолжается. Царь высказал соболезнования всем пострадавшим. О дальнейшей судьбе царевны Надежды официальных заявлений не поступало. Автор статьи обещал, что редакция газеты, а также Орден Доблести во главе с его сиятельством князем Дворжаком, не оставит этот вопрос без ответа. Они клялись приложить все усилия для того, чтобы она покинула город, благо в лесу найдутся заброшенные замки. А если нет, то Орден Доблести согласен за свои средства выстроить в лесу новую Черную башню, чтобы держать Черную царевну подальше от людей, пока ее хозяин не призовет Проклятую к себе...

Надя положила еженедельник на стул и посмотрела в окно. Кондитер поставил на стол чай и блюдо со сладкими пирожками и вернулся протирать прилавок.

За окном на город спустился дождь.

Вода текла по стеклу, размывая улицу, превращая людей в невнятные тени. Чай остывал. Вдох. Выдох. Вдох... Только не расплакаться! Только не здесь и не сейчас! Она в два глотка выпила остывший чай, чтобы снять спазм в горле.

Дверь в кондитерскую открылась. Вбежали, прячась от дождя, двое юношей и девушка. Хозяин хотел что-то сказать им, но сжалился, махнул рукой.

– Два дня со взрыва прошло! – возбужденно продолжал начатый разговор юноша в мокром пальто. – Дворец чудом не развалился, сколько людей померло, а они говорят, что не о чем переживать!

Царевна вздрогнула. Ссутулилась.

– Читали сегодняшние новости? Я все думал: что напишут? И вообразите – соболезнования от царской семьи! Город гибнет, люди мрут, а они делают вид, что не знают причин! У нас чума посреди города в башне сидит, а они говорят – «несчастное стечение обстоятельств»! Все, друзья мои! Началось! Проклятая начала собирать жатву для Анку! Гору высушила, теперь пойдет смерть за смертью плодить!

– Я слышал, что в псарне собакидохнут, – заметил его друг.

– А моя сестра, что в башне служит, говорит: Проклятая из башни пропала.

Надя смотрела на стоящую перед ней пустую чашку. Сжимала руки на коленях.

– Не врёт? – озабоченно уточнил юноша в мокром пальто.

– Яроком клянется.

Снова замолчали. Хозяин кондитерской, лениво слушавший разговор посетителей, насторожился. Он вышел из-за прилавка и подошел к молодым людям.

– Правду говорят? Действительно ее больше нет в башне?

– Нет. Пропала в ночь взрыва.

Воцарилось молчание.

– Может, до нее таки добрался Орден Доблести? – предположил хозяин.

– Попомните мои слова: пошла Проклятая по земле. Конец света близок!..

Надя, оставив на столе нетронутыми пирожки, пошла к выходу. Хозяин бросил быстрый взгляд на ее стол и схватил за запястье, когда она уже открывала дверь.

– А расплатиться, панночка?

Надя посмотрела на него с недоумением. Деньги? У нее не было денег... Она беспомощно огляделась. Хозяин и посетители смотрели на нее.

– Бесстыжая! – Хозяин кондитерской все понял.

Наде никогда в жизни не было так стыдно!

– Не сердчайте, пан! – вступился за нее один из юношей. – Видно же, что она не со зла.

– И что с того? Я ее сейчас отпущу, она завтра еще кого обворует!

Мужчина крепко держал царевну за руку, не собираясь отпустить.

– Кликну полицию, пусть разбираются!..

У Нади дыхание перехватило от страха. Из жара бросило в холод: похоже, и второй раз не удастся сбежать!

– Не надо полиции, пан, – примирительно предложил юноша, доставая из кармана горсть монет.

Он пересчитал их. Пять отдал мужчине, а последнюю бережно положил обратно. Хозяин отпустил запястье Нади.

– Спасибо! – прошептала царевна.

Юноша улыбнулся, хотел сказать что-то еще, но она уже выбежала на улицу.

Красная от стыда, царевна спешила прочь от злополучного магазина. С крыши еще капало, но туча ушла на восток. Надя нашла линию канатной дороги, отмеченную на небе желтыми фонарями-кровокками, и пошла по улице вниз. В карманах не было ни монетки, но она не стала думать об этом. Надя вообще запретила себе о чем-то думать. Шла по улице, считая шаги и думая о далеком острове Вит, где окажется через пару недель.

Все чаще стали попадаться спешащие на вечернюю посадку люди. Следом за ними Надя прошла через сквер и вышла к станции. Она наконец вздохнула с облегчением.

– Вот где ты, красавица!

Надя обернулась. За ее спиной стоял, улыбаясь, Эол.

Царевна попятилась. Затем она развернулась и побежала, но бог возник прямо перед нею, смеясь, поймал в объятия...

...Они стояли на длинной пустынной улице, где-то в Окольномике. Вокруг лишь наглухо заколоченные двери магазинов и кучи строительного мусора. Огни канатной дороги тонкой цепочкой висели над землей далеко на востоке. Надя резко обернулась к Эолу, чувствуя, как выступают на глазах слезы.

– Верните меня к станции! Я опаздываю!

Эол отрицательно покачал головой.

– Тогда я сама туда доберусь!

Она развернулась и пошла по улице, но бог снова возник перед ней, загораживая дорогу.

– Нет, Надежда. Ты слышала, что сказала Мокошь: уйти из города сможешь только через лес.

– Так это была она? Я помню ее слова. Даже спрашивать не буду, откуда вы их знаете, бог-сто-ушей. Почему канатная дорога – это верная смерть, а полный нечисти лес – правильный путь? Я уверена, она имела в виду что-то иное. Эол, пожалуйста...

Она осеклась. Бог усмехнулся, хитро прищурился.

– Просто попроси!

Царевна закусила губы.

– Ладно, гордячка. Тогда прощай!

И он исчез. Мгновение его нахальная улыбка сама по себе висела в воздухе, а затем пропала и она.

Царевна посмотрела на далекую линию канатной дороги, потом присела, обняла колени и расплакалась. Горько, захлебываясь слезами и с трудом переводя дыхание, в голос, как маленькая...

Где-то рядом лопнула струна. В воздухе повис тонкий металлический звон, почти неразличимый, но от которого сводило зубы. Надя подняла лицо и увидела, что напротив стоит незнакомец из харчевни.

– Давно вы здесь? – спросила царевна.

Мужчина вздохнул и присел на корточки.

– Некоторое время.

– Все видели? И слышали?

– Не сидится тебе в башне, девочка... Снова опаздываешь к канатной дороге?

– Подвезете меня?

Он покачал головой.

– Я склонен следовать добрым советам. Если Мокошь сказала идти через лес, ты должна идти через лес.

Надя вытерла лицо и встала. Он тоже поднялся.

– Значит, пойду!

– Одна?

– Хотите со мной?

Она не стала ждать ответа, развернулась и пошла вверх по улице.

– Хорошо, пойдем, – донеслось ей вслед.

Надя споткнулась от удивления, обернулась.

– Видно, судьба нам познакомиться, девочка. Отведу тебя в соседний город, а ты перестань рыдать. От твоих слез у меня сердце разрывается. Куда хочешь? Каст? Лучезар?

Надя стояла, готовая в любой миг убежать.

– Вы ведь знаете, кто я?

– Черная царевна. Надежда Мирославовна.

– А у вас есть имя?

– Можешь звать меня Роджер.

Надя повернулась, шагнула навстречу.

– Вы не боитесь меня, Роджер?

– А ты меня?

– До сих пор вы не причинили мне вреда, даже наоборот. Я чувствую, что вы хороший человек.

Роджер насмешливо усмехнулся:

– Люди в таверне тоже не внушали тебе опасений.

– Да, – согласилась она. – Я была неосторожной.

– Теперь пойдешь через лес с незнакомцем? После всего, что пережила той ночью?

– Я не вернусь в башню, – твердо сказала Надя.

– Тогда пойдём! – с вызовом предложил мужчина.

Царевна вздернула подбородок. Отступить она не собиралась.

Он привел ее на постоянный двор в Окольнике. Оставил ждать у конюшни, быстро вернулся, с ружьем за плечами и свертком в руках.

– Переодевайся!

– Здесь?

Роджер пожал плечами.

Крайние стойла конюшни пустовали и она вошла в одно из них. Было темно, слабый звездный свет от двери был не в счет, переодеваться пришлось на ощупь. В свертке лежало шерстяное платье, мужское пальто и ботинки, которые оказались велики. Надя вышла, смущенная своим нелепым костюмом, но Роджер даже не взглянул. Поправил ягдташ и ремень ружья и пошел вперед.

– А ваша лошадь?

– О ней позаботятся.

Они спустились по узким мокрым улочкам, обошли пустое здание завода, который был похож на огромного спящего зверя. Из окон падал свет, тихо гудели внутри двигатели невидимых механизмов, но никого из рабочих рядом не было. У забора стояла будка сторожа и двое полицейских курили южные папиросы, стоя у запертых ворот.

Дальше начинались кварталы, в которых жили рабочие. Здесь было особенно темно. Длинными одноэтажными рядами вытянулись бараки. Они казались мертвыми, лишь кое-где внезапно вспыхивал свет одинокой лампы или раздавался детский плач.

Роджер молчал весь путь. Молчала и царевна.

Все вниз и вниз по улицам. Идти было легко, и Надя сама не заметила, как дорога привела к окружной стене. Здесь дежурили трое полицейских. Сколько лет старшему из них, сразу и не понять, сухое жилистое тело и седые волосы. Двое рядовых – лет двадцати, худощавые и нервные. Все трое курили, тихо переговариваясь и сплевывая под ноги. Они заметили поздних прохожих, затушили папиросы и сняли с плеч ружья.

– Роджер!..

Он шага не замедлил.

– Кто такие? – спросил седой.

Роджер достал из внутреннего кармана сложенный лист и протянул полицейскому. На стенах горели фонари, но под стенами их свет почти совсем рассеивался. Седой долго и внимательно изучал бумаги, шурясь в полутьме.

– Жрец из храма Лешего? – наконец разобрал он. – Не встречал я что-то безбородых охотников.

– Так удобней. Но это не твое дело, солдат. Документы в порядке?

Надя вжала голову в плечи. Полицейский еще раз внимательно изучил бумаги, потом посмотрел на царевну.

– Это кто?

– Жена.

– А жена кто? Есть бумаги?

– Хочешь потащить в участок среди ночи жену жреца?

– Нам велено всех девиц ее возраста проверять.

– А мне велено выйти на охоту сегодня, и одну ее в этом городе я не оставлю!

Седой хмурился и колебался.

– Вы приняли решение, сержант? – нажал Роджер. – Мне возвращаться в храм или вы нас пропустите?

Полицейский еще раз посмотрел на документы, затем сплюнул себе под ноги и постороился.

– Счастливой охоты, пан жрец.

Роджер не ответил, крепко взял Надю за руку и увлек за собой. Они прошли вдоль стены минут десять, и Роджер остановился.

– Это ворота из города? – удивилась Надя.

Ворот не было. К окружной стене прижалось одноэтажное здание с узкими темными окнами. Из города сюда вела широкая дорога, на пяточке вокруг здания стояли пустые телеги, булыжная мостовая скрылась под комами черной грязи, остатков гнилого картофеля и луковой шелухи. Последовав примеру Роджера, царевна заслонила нос и рот шарфом: от запаха гнилых овощей хотелось вовсе перестать дышать.

Они подошли к кирпичному зданию, и охотник дважды громко постучал в дверь. Открыли не сразу. Старик, появившийся на пороге, на стражника похож не был. В плешивой шубе поверх исподнего и в сапогах на босу ногу. Смерив их сердитым взглядом, сторож плюнул себе под ноги и выругался.

– Чего вам?

– Запускай лифт.

– Сдурел, парень?! Ночь на дворе. Ты охотник, что ль? Девку пошто с собой тянешь?

– Жена, пан лифтер. В городе нынче тревожно. Пусть со мной в лесу поживет.

Роджер улыбнулся. Улыбка у него была легкая, приятная. Хорошая улыбка. Лицо сразу другим стало.

Старик, близоруко шурясь, посмотрел на Надю.

– Правда, што ль, твой муж?

Царевна растерялась, кивнула, чувствуя себя неловко.

– Ну что ж. – Старик постороился, пропуская их в помещение лифта. – И то, верно. Непокойно нынче в городе. Ждать беды от Проклятой...

Надя смотрела под ноги.

Старик провел их по длинному узкому коридору, в конце которого были две окованные железом двери. Сторож открыл висящий на стене шкаф и потянул какие-то рычаги. За стеной справа задребезжало железо, а потом раскатисто заурчал мотор. Старик повозился с замками и пропустил их в темную холодную комнату. Над дверью замигала и загорелась оранжевым светом единственная лампа-кровать. Надя огляделась.

Лифт оказался большой железной клеткой. Роджер закрыл за ними внутреннюю дверь, старик со скрежетом – наружную, и лифт, отряхнувшись как старый пес, поехал вниз.

Стены комнаты ушли вверх, и лифт пошел между порыжевшими металлическими опорами вниз. Ветер ударил в клетку, пронзил ее сквозь прутья тысячью острых сквозняков. Надя с тревогой подумала об Эоле. Даже оглянулась украдкой, но зловредный бог не появился. Тогда она прижалась лбом к прутьям клетки и посмотрела вниз.

Внизу темнела земля. Тлели костры у огородов, там, где днем жгли сухую траву. Далеко слева выныривала из подземного русла река Вена, бурлила на горных порогах, отражая тусклый звездный свет, и Надя вдруг почувствовала, что действительно покидает Варту. Радости не испытала.

– Передумай! – словно услышав ее мысли, неожиданно нарушил молчание Роджер. – Я снова верну тебя в башню, и никто не узнает о нашей прогулке.

– Нет.

– Я ждал, что ты остановишься сама, но, похоже, тебе не рассказали...

– О чем?

– Горожане не любят тебя, но этот побег многих обречет на смерть.

Надя обернулась к охотнику, прижалась спиной к прутьям клетки.

– Не понимаю, о чем вы!

– Варта – нищий город. Гора внутри опустела, еды не хватает. Последние десять лет ты была единственным товаром и единственным преимуществом.

– Я?

– Ты – живое проклятие, девочка. Единственная чародейка Яблоневого Края.

– Чародейка? Я?!

– Да.

Она улыбнулась, но охотник не шутил. Улыбка медленно сползла с ее губ.

– Вы серьезно?

Роджер кивнул. Царевна подалась вперед, заговорила сбивчиво:

– Вы ведь разумный человек, Роджер! Как вы можете верить в подобные сказки?!

– Это правда.

Надя от возмущения не нашла, что возразить. Лифт медленно полз вниз. На опоре светились тусклые кровавки. Их свет, попадая в клетку, расчерчивал пол тенями решеток, совсем не разгоняя тьму. Надя не видела глаз Роджера, но чувствовала его взгляд.

– От рождения ты обещана Анку, богу-смерти. Это не выдумка, девочка, в любую минуту он может прийти и потребовать обещанное. Тогда ни человек, ни бог не смогут тебя отстоять. Именно поэтому ты все еще жива. Чародеи умирают в младенчестве, но не ты.

Она хмурилась, рассматривая пол под ногами.

– Анку – это его имя? Бога-мертвеца?

– Ты не знала? – удивился Роджер.

– Отец сказал, что у него нет имен, что он проклят навеки и лишен их. Еще одна ложь...

– Боги слышат, когда люди произносят их имена. Возможно, так твой отец пытался ограждать тебя от встречи с ними.

– А вдруг вышло? За шестнадцать лет Анку так и не пришел за мной. Может, забыл?

– Не мог забыть. У богов цепкая память. Кроме того, он тоже связан по рукам и ногам этим предназначением. Ты ведь слышала об этом от отца?

Надя отрицательно покачала головой, и Роджер тяжело вздохнул:

– Что ты вообще знаешь о своем проклятии, девочка? Отец тебе не рассказывал, так кто рассказал?

– Женщина, что ухаживала за мной после взрыва, и немного в газетах читала...

Роджер раздраженно пнул пол, и Надя замолчала.

– Что ж, слушай, – начал охотник. – Говорят, сама Мокошь-судьба пришла к твоей колыбели. Сказала, что ты предназначена Анку, что откроешь ворота в Царство Мертвых. Но еще ты пройдешь сто дорог и вернешь свет, память и тени тем, кто их утратил. Ты получишь самое ценное, что есть у бога-мертвеца, – его живое сердце, а значит, и власть над ним. Думаю, Анку сам не спешит встречаться с тобой.

Роджер усмехнулся в темноте. Полоса тусклого света пробежала по его лицу, осветив скулу и уголок рта.

– И теперь отец угрожает мной соседям?

– В Крае думают, что ты – могучая чародейка. Говорят, в тебе сошлась вся нерастрченная за долгие годы сила, ты даже можешь помериться ею с богами. А сдерживает тебя лишь твой отец, и стоит ему пошевелить пальцем, как ты обрушишь всю мощь темных чар на соседей. Поэтому вот уже десять лет Северная Варта собирает дань с других городов.

Надя прижалась к прутьям, вцепилась в них пальцами.

– Я верно поняла вас, что единственный человек, который любил меня все эти годы, был мне не отцом, а хозяином; моя башня – не дом, а ошейник; а любовь – мой поводок?

Роджер не ответил. Надя улыбнулась:

– Тем лучше.

– Ты правильно поняла мои слова?

– Я не хочу жалеть о своем выборе, а вы только что дали мне повод отбросить сожаления.

– Ты думаешь сейчас о себе? После того, что я тебе сказал?

– Они не знают меня, но не жалеют грязи. Так с чего мне жалеть их?

– Подумай еще раз. Тебе ничего не грозит в Варте, кроме пустых слов. Анку не позволит Ордену Доблести тронуть тебя. Рад он тому или нет, но ты принадлежишь ему, а о своих подданных он заботится. Продолжай жить в башне – и ты спасешь свой город. Нити или ножницы, девочка?

Поговорку Надя раньше не слышала, но суть поняла.

– Я не пожертвую свободой ради них. Мы уходим.

Роджер долго смотрел на нее. Так на Надю еще никто не смотрел – с горьким разочарованием. Она не обязана ничего объяснять, но ей очень захотелось, чтобы он понял.

– Я не могу больше жить бабочкой в янтаре, Роджер! Не могу так больше!

– Что ж, девочка. Значит, «нити».

Надя рассердилась. Пусть сам выбирает свои проклятые ножницы, если такой смелый! Легко принимать решения за других!

– «Девочка»? Кто дал вам право так со мной разговаривать? Я – царевна, а вы кто?

– Мне все равно, что думают и говорят о тебе люди. Ты – девочка. Не больше и не меньше. Твое царство – точка на карте. Оставишь свой город, и твой титул останется здесь.

Надя сжала кулаки. Возразить было нечего: ее город действительно точка на карте, один из двух сотен городов-государств. Была бы она королевной с Побережья, тогда... Впрочем, она сама выбрала свою судьбу. Ей не титул нужен, а свобода. Пусть называет, как хочет, лишь бы не отказался от обещания.

– Вы отведете меня в Каст или мне искать другого проводника?

– Я дал слово – значит, отведу.

Лифт дернулся и остановился. Надя рывком открыла дверь и вышла первой.

От подножья лифтовой шахты вниз по склону уходила проселочная дорога, перерытая колесами телег. Внизу, за черными покрывалами огородов, тлела цепочка затухающих костров, дальше начинался лес. Роджер молча обогнал царевну и пошел по дороге.

– Мы пойдем по лесу? В такой темноте? – нарушила тишину Надя.

– Пойдем, – неохотно отозвался Роджер. – Чем дальше от полей, тем лучше.

После города лесная темнота показалась непроглядной. Царевна зажмурилась, пытаясь привыкнуть, подождала мгновение, но, когда открыла глаза, ничего не изменилось. Как охотник видит в таком мраке, оставалось загадкой, но он ни разу не свернул с тропы. Они все шли и шли, царевна спотыкалась о корни и расцарапала лицо ветками. Казалось, словно находишься в банке с вязкими, горькими чернилами. Они забиваются в легкие, мешают дышать. Сердце больно билось в груди, сначала в такт шагам, потом все быстрее и быстрее. Ночь в лесу была сырой и холодной, но Надя вспотела. Ее начало знобить. Лес вокруг трещал, шуршал и поскрипывал. Казалось, что кто-то все время идет следом, Надя слышала шаги, чье-то влажное дыхание на затылке. Царевне казалось, что вот-вот ей вцепятся в шею, схватят за волосы и утащат раньше, чем Роджер успеет обернуться.

Она посмотрела вверх на светлеющее между веток небо и только и успела, что вытянуть руки, придерживая спешащую навстречу землю.

Наверное, Роджер говорил с ней, но уши и глаза заполнили чернила, она не слышала и не видела его. Только чувствовала, как он вытирает ее лицо смоченным в воде шарфом, а потом несет через лес. Руки у него были твердые, словно отлитые из металла. А потом Надя потеряла сознание.

Когда царевна очнулась, они были на поляне. Уютно потрескивал сосновыми дровами костер, в котелке шумела, закипая, вода. Рядом с Надей прямо на расстеленной куртке охотника был разложен скромный ужин: копченая оленина, ржаной хлеб, брынза и два огурца. Из расшнурованного мешочка, лежащего рядом с сыром, пахло чабрецом.

Роджер, в одном жилете, закатив рукава рубашки, сидел перед костром, время от времени подбрасывая в огонь липкие от смолы ветки. Возле огня было жарко, и Надя сняла пальто. Закипела вода, Роджер бросил в кипяток сухие цветы, воздух наполнился терпко-сладким ароматом.

– Тебе уже лучше? Поужинаем?

Надя кивнула. Роджер подсел ближе, взял хлеб и сыр. Царевна протянула ему мясо, но он отказался.

– Я не ем мяса.

– Вы болеете?

Роджер усмехнулся:

– Нет, здоров. Просто не ем того, что когда-то дышало.

Царевна удивленно подняла брови.

– У каждого свои принципы, царевна. Не бери в голову, ужинай.

– Я не понимаю...

– Тебе и не нужно. Считай это обетом перед богами.

– Обет?

– В какой-то степени. Хватит об этом. Ешь!

После ужина он достал из ягдташа глиняную шербатую чашку и налил травяной чай. Надя молча пила, Роджер задумчиво смотрел в огонь и тоже молчал. Не хочет говорить с ней? Разочаровался? Ну и пусть! Через пять дней они расстанутся, а пока она тоже может помолчать.

Костер тихо потрескивал, пахло смолой и дымом. Надя легла на куртку, расстеленную на ветках, закрыла глаза и быстро заснула. Роджер так и остался сидеть рядом, время от времени подбрасывая в огонь ветки.

Под утро похолодало, тепло от костра грело лишь с одной стороны. Надя вынырнула из сна, но глаза не открывала. Она слишком устала за последние дни, чтобы двигаться или жаловаться на холод. В полудреме попробовала повернуться к костру спиной, но тогда немели от холода руки и колени, оборачивалась обратно – сводило спину. Сквозь сон Надя почувствовала, как Роджер сел рядом, накрыл ее своей курткой.

Когда царевна открыла глаза, уже наступило утро. Надя села, провела руками по растрепавшимся волосам. Роджер, сидя на корточках рядом с потухшим костром, нарезал хлеб.

– Доброе утро, Роджер!

Охотник в ответ лишь кивнул.

– А мы не разведем костер?

– У нас впереди долгая дорога. Ты рано расслабилась. За нами могут отправить Рыцарей Доблести.

– Кто они такие? Много слышу о них в последние дни.

Он протянул ей хлеб с куском соленого мяса и флягу воды.

– Когда-то Орден Доблести вел войну против чародеев, потом чародеи вымерли и Орден остался ни у дел. Долгое время они просто обменивались полезными знакомствами, богатели и играли в хранителей тайных знаний. Рано или поздно разбежались бы, но появилась ты. Держись от них подальше, девочка, у них есть деньги, последователи и репутация. Ты – их единственный живой противник впервые за сотни лет.

– Я не боюсь! – запальчиво возразила царевна.

– И напрасно. Тебе стоит всерьез принимать любую опасность, предвидеть, чем может обернуться твоя наивность, иначе будет, как в той харчевне. Только в этот раз никто не придет на помощь, и снимут с тебя не платье, а кожу.

Его слова испугали ее, но не хотелось в этом признаваться даже себе. Надя встала.

– Хочешь напугать меня, чтобы я вернулась в башню?

– Хочу предостеречь. Если отец тебе не рассказал, то слушай меня, глупая. Ты важна не только для Варты. Любой другой город, узнав кто ты, посадит тебя в собственную «черную башню». А еще есть боги. У них может быть свой расчет на тебя, твою магию и твое предназначение. Ты слишком мало знаешь о Крае и можешь не распознать обман. Боги много обещают, но дают не то, чего ждешь. – Роджер поморщился. – Овцу тяжелее привести под нож, чем тебя.

Он тоже поднялся, закинул за спину рюкзак.

– Пора идти.

Наде было обидно до слез. За кого он ее принимает? За самовлюбленного наивного ребенка? Она хотела продолжить беседу, но он уже пошел вниз по склону.

Снова шли. Снова молчали. При свете дня лес был не так страшен. Сосны и ельник. Кое-где по веткам промелькнет белка или затрещит сорока. Подлесок редкий, и лес вокруг хорошо просматривался, так что идти было не страшно. Воздух был тягучим от сосновой смолы и по-летнему теплым. В отличие от города лес не вызывал у Нади приступов удушья. Ей было хорошо здесь, она с детства любила возиться с растениями. Отец позволил превратить крышу башни в маленький сад, но на крыше не вырастят ели, а здесь они были повсюду!

Горный склон спускался вниз, идти было легко. Царевна сняла пальто и несла его в руках. Платье цеплялось за сухие ветки, подол стал липким от смолы. А Роджер шел, не сбавляя шага, уверенно выбирая дорогу. Два раза они немного сбивались с пути, упираясь в бурелом, но там, где заканчивались одни тропинки, другие сами ложились ему под ноги.

Привал сделали у лесного родника. Вода, бившая в углублении под мохнатым валуном, была прозрачная как стекло, ледяная и отдавала илом. Надя стала пить ее прямо из пригоршней. Руки заломило от холода.

Роджер наполнил родниковой водой флягу.

– Не пей много. С непривычки может живот схватить.

Надя смутилась и отошла от родника.

Выходя из города, она совсем не подумала о таких простых вещах, как сменное белье, как она будет расчесывать волосы и ходить по нужде. Вдобавок к вчерашнему спору и утреннему разговору, он заставил ее краснеть, когда не пустил одну в лес справлять нужду.

Ближе к вечеру земля под ногами стала темнеть, все реже встречались сосны, все чаще – березы, осины и ольха. Местность вокруг стала холмистой, как застывшее море. Они вышли на самый низкий участок дороги. Впереди за заливным лугом начинался подъем на пологие холмы, поросшие дубовым лесом. Один из безымянных притоков Вены, летом бывший ручьем, за неделю наполнился дождевой водой и разлился. Высокая густая трава создавала иллюзию твердой земли, но с первого шага почва просела под ногами, ушла в воду.

Роджер, не церемонясь, подхватил царевну на руки и пошел вперед.

Его охотничьи сапоги доходили до колен, но скоро вода поднялась выше. Надя попробовала спорить, потребовала, чтобы он поставил ее на землю, но охотник не слушал. Ей оставалось обнять его крепче и ждать, когда луг закончится.

Налетевший с гор холодный ветер пустил по траве волны, зашелестели сухие стебли конского щавеля.

– С-с-сюда!

– С-с-стой!

– С-с-смотри!

Надя вздрогнула, взглядела в лес, пронизанный медно-оранжевым светом заходящего солнца. Он был спокоен и пуст.

– Роджер...

– Я слышу, – подтвердил он. – Мавки.

Шепот стих, но в высокой траве, окружившей их, Надя слышала громкие всплески. Хотелось думать, что это рыба...

Они дошли до русла ручья, перешли его, и склон стал постепенно подниматься вверх. От воды шел холод, и Надя задрожала. Роджер наконец поставил ее на землю.

– Не отпускай моей руки...

Но она отпустила. Обняла себя за озябшие плечи, не дослушав его, и тут же из воды появились холодные белые руки, схватили ее за лодыжки. Надя не удержалась, упала на скользкий берег. Роджер попытался поймать ее, но не успел, и мавки потащили царевну обратно в ручей.

Они только что шли по этому лугу, царевна точно помнила, что воды здесь по колено, не более, но сейчас ушла в воду с головой. Надя хотела сбросить чужие руки. Не вышло. Она попробовала схватиться за что-нибудь, чтобы не погрузиться в омут, но вокруг была лишь вода, словно затопленный луг стал озером.

Надя не слышала, как Роджер нырнул, и вообще не понимала, как он оказался с ней в омуте, но вдруг почувствовала на талии его руку. Он прижал девушку к себе и потянул наверх. Несколько мгновений Наде казалось, что они разорвут ее – Роджер и обитатели заливного луга, – а потом чужие руки отпустили, и Надя с охотником вынырнули на поверхность.

Они вдохнули воздух, и оказалось, что никакого озера нет, а они лежат в грязной воде и под ними поросшая густой травой земля. Несколько минут оба приходили в себя.

– Роджер, что это было?

Холод осенней ночи впился в тело. Зубы стучали.

– Мавки... Не отпускай мою руку, пока я не разрешу.

Но Надя и сама поняла свою ошибку.

Они поднялись вверх по склону, дошли до первых деревьев и остановились. Охотник достал из рюкзака свою сменную одежду – рубашку и брюки – и заставил Надю переодеться.

– А как же ты?

– Обсохну, когда разведем костер.

Пока Надя переодевалась, охотник собрал валежник и стал разводить костер. Он снял куртку, жилет и рубашку, подкатил выше брюки, вылил из сапог воду и остался босиком. Царевна присела рядом и, обняв колени, наблюдала, как ловко он все делает.

Охотник бросил на Надю сердитый взгляд, но ничего не сказал.

Костер не желал разгораться. Роджер напрасно переводил дорогие южные спички – они вымокли.

– Позволь мне! – попросила Надя.

Роджер возражать не стал. Бросил мокрую коробку ей в руки и пошел к подлеску у края поляны. Надя взялась разводить костер.

Холод отступил. Но от пережитого несколько минут назад ее еще трясло. Она сделала глубокий вдох, потом выдох, ударила спичкой о коробок. Искры упали на пальцы, но не обожгли – Надя сама была горячее, как уголек. Огонь вспыхнул на ветках раньше, чем его коснулись искры, но царевна этого не заметила. Улыбнулась, довольная собой.

Вернулся Роджер. Он срезал ножом несколько веток, вогнал их в землю вокруг костра и перекинул поверху веревку. Надя развесила на ней мокрую одежду.

– Тебе надо поесть чего-нибудь горячего. Я пойду к воде, а ты сиди у костра. Что бы ни случилось, не отходи. – Он посмотрел в сторону леса. – Ничего не бойся, я быстро.

Охотник взял котелок и ушел. Надя уселась поближе к костру, подбросила еще веток. Ей было страшно на поляне одной, но гордость не позволила жаловаться.

Зашумел в верхушках деревьев ветер. Что-то треснуло в лесу на границе света и тени.

– Поглядите, сидит тут, как у себя дома! – недовольно пробурчал остановившийся в тени гость. – Откедова приперлась? Кем будешь?

У Нади от страха похолодели руки. Как вести себя с неожиданными гостями, Роджер не сказал.

– Чего молчишь, бестолковая? Я кого спрашиваю?!

«Это ведь не мавка? Может, другой охотник? Неудобно будет промолчать».

– Не грубите, пан. Сначала сами поздоровайтесь правильно, затем и я вам отвечу.

– Ишь ты! Не доросла еще, чтоб я тебе кланялся!

– Доросла или нет, а у этого костра я хозяйка.

Незнакомец что-то проворчал себе под нос, но спорить не стал. Замер в темноте, не сводя с нее взгляда.

– Садитесь к костру, – предложила царевна. – К ночи холодает...

Незнакомец немного помялся, а потом вышел в свет костра. Надя еле сдержалась, чтобы не закричать.

Нет, это был не другой охотник. Это вообще был не человек.

Существо было высоким и мохнатым. Его шея, толстая и длинная, как ствол дерева, кончалась маленькой, по-звериному мохнатой головой с юным человеческим лицом. Сильное мускулистое тело густо заросло бурой шерстью. Маленькие круглые ушки подрагивали, прислушиваясь к лесу.

Надя постаралась не выдать страха и удивления. Она подвинулась, уступая чудищу место у огня.

– Садитесь, пожалуйста.

Длинношейка улыбнулся, наклонил шею, приближая лицо к лицу царевны, хитро заглянул ей в глаза.

– Не боишься, хозяйюшка?

– Чего же, дорогой гость?

– А что съем тебя, пока жених по воду ходит.

Надя понимала, что нужно тянуть время, пока не вернется Роджер, не сердить гостя и не пытаться справиться с ним самой.

– Хочешь есть, дорогой гость?

– А ты покормишь? – насмешливо спросил Длинношейка.

Надя порылась в ягдташе Роджера и протянула ему ломоть хлеба. Гость враз проглотил все и, усмехаясь, снова посмотрел на девушку.

– Пожадничала ты, хозяйка. На один зуб твое угощение, только раззадорило. Есть что еще?

Она достала соленое мясо и остатки сыра. Гость съел все, не побрезговал. Надя смотрела, как он облизывает пальцы на шестипалых лапах, и удивлялась, как это он не порезал язык о такие когти.

– Это все? – по-хозяйски спросил гость.

– Еще яблоки остались.

– Давай.

Надя запустила руку в сумку.

– Не смей. Яблоки мои.

Роджер вышел из-за деревьев. Он спокойно поставил котелок у костра, присел ближе к огню, протянул к пламени руки. На чудище даже не посмотрел и ружье оставил лежать с другой стороны костра. Значит, ничего страшного не происходит?

– Где твой хозяин? – спросил Роджер, не глядя на гостя. – Или ты сам решил заглянуть на огонек?

Длинношейка засопел, заерзал на месте.

– Как будто нельзя! Это вы в наш лес приперлись, не наоборот. Захочу и загляну! И вообще, я с хозяйшкoй дела вести буду.

В лесу за чертой света что-то двигалось. Хрустнули ветки. Надя всмотрелась в темноту, но ничего не увидела. Там зверь? Один?

Завыл где-то совсем рядом волк. Протяжно и печально. И тут же ему ответил второй. И третий.

Надя похолодела. Кто-то за ее спиной прошел совсем близко, толкнул ее мохнатым боком, хвост ударил по плечу, оставив запах псины.

Живя в комнатке под крышей башни, Надя не раз мечтала об увлекательных приключениях. Она хотела испытать себя, верила, что справится с чем-угодно, но что делать сейчас?

Роджер смотрел на нее со спокойным интересом. Наде знаком такой взгляд – так смотрел на нее пан Рукша, когда она сдавала экзамен. Какой ответ дашь? Не ошибешься?

Ох, как же Надя рассердилась! Роджер снова проверяет ее. Теперь на смелость?

Надя посмотрела в костер, сжала кулаки. Что там за ее спиной? Волки? Да хоть драконы, она не двинется с места! Царевна больше на охотника не смотрела.

– Кто пришел с вами, дорогой гость? Может, и их угостить? – спросила она Длинношейку. Тот довольно улыбнулся, его глаза весело заблестели.

– Испугалась?

– Нет, – солгала Надя. – Я не желаю им зла, и они меня обижать не будут.

Длинношейка тихо присвистнул, и из темноты к нему вышел большой волк. Он ткнулся носом хозяину в ногу, лизнул и лег на траву.

– Зачем ты пришел сюда, волчий пастырь? – спросил Роджер.

– Хозяин прислал. Велел передать, чтоб ты в его владениях вел себя тише воды, ниже травы. Не рады тебе здесь.

Волчий пастырь говорил, а смотрел под ноги, поглаживая загривок волка.

– Мы с царевной никого не хотели беспокоить, – ответил Роджер.

– Зачем тогда приперлись?

Волк оскалился, зарычал на охотника.

– Передай своему хозяину, что мы не причиним зла его лесу, – сказал Роджер.

– Я слышу.

Надя вздрогнула и повернула голову на голос. Из темноты в свет костра вышел человек...

Он был похож на Роджера. Черноволосый, одет как охотник: кожаная куртка, жилет, рубашка и брюки из крепкой ткани болотного цвета. Только обуви он не носил – вместо стоп у него были козлиные копыта.

Роджер поднялся ему навстречу.

– Здравствуй, лесной хозяин!

Козлоногий перешагнул поваленное дерево, на котором сидел волчий пастырь, и остановился у костра так близко, что горячие искры падали на копыта.

– Не тебе желать мне здоровья.

Он криво усмехнулся и перевел взгляд на Надю.

– А ты что не кланяешься, Черная царевна?

– Добрый вечер, лесной хозяин.

Надя быстро поднялась и неловко поклонилась. Леший захохотал. Встрепенулись, сбили с веток листья разбуженные птицы.

– Испугалась? И как у такого олененка может быть такая судьба?!

Надя сжала губы. Козлоногий больше на нее не смотрел.

– Значит, идете в Каст? Пешком?

– Да.

– Дурость какая. Впрочем, девка небось засиделась в башне, пусть ноги разомнет. – Он коротко хохотнул, взъерошил волосы. – Ладно, идите. Только не ждите легкой дороги. Помогать не буду, ни по старому знакомству, ни за услуги. Дойдете до Каста целыми – ваше счастье, а нет – не моя вина. Все понятно?

– Да.

Лесной хозяин недобро прищурился.

– Вынешь меч в моем лесу – поссоримся! Ясно?

Роджер молчал, глядя в лицо лесному богу. Не возражал, но и соглашаться не спешил.

Волки вскочили, зарычали. Длинношейка ласково прошептал что-то, обращаясь к ним, но волки не слушали, вздыбили загривки.

– Понял?! – угрожающе повторил Леший.

Лес за спиной козлоногого зашумел, зашатались деревья, посыпались вниз листья и тонкие ветки. Волки оскалились, Длинношейка присел, обнял руками двоих, зашептал им что-то, но напрасно. Он просительно посмотрел на Надю...

– Простите, хозяин! Мы все поняли! Роджер не обнажит меч в вашем лесу!

Леший посмотрел на нее так, словно с ним внезапно заговорил кролик.

– Обещаешь?

– Да! – поспешно ответила Надя.

– Нет! – воскликнул Роджер.

Леший расхохотался, громко и весело. Охотник в два шага оказался рядом с царевной, схватил за запястье, сжал до боли. Надя руку не отняла, стерпела.

– Что ж, девка, – Леший бросил на Роджера веселый взгляд, – если твой жених что-то учудит, ответишь ты. Поняла?

Надя пропустила «жениха» мимо ушей, покорно кивнула. Волки за спиной Лешего успокоились, скуля, тыкались носами в ноги Длинношейки. Он еле заметно улыбнулся Наде. Леший, не прощаясь, развернулся к ним спиной и пропал в лесу. Волчий пастырь и звери тихо последовали за ним. Надя и Роджер остались одни.

Только тогда он отпустил ее руку, пнул босой ногой землю и в гневе обернулся к царевне.

– С ума сошла?! Ты понимаешь, кому и что пообещала, дурочка?!

Надя отступила от него, разминая покрасневшее запястье.

– Понимаю.

– Не думаю. Это – лесной бог! Бог из первых, из злых и мстительных! Если завтра нас догонят Рыцари Доблести – я не смогу ничего сделать! Если ночью к нам придут мавки – я ничего не смогу сделать! Я же предупреждал тебя о богах! Леший снял с себя вину за нашу смерть!

– Он бы натравил на нас волков! Еще секунду, и они бросились бы на тебя!

– Это разве твоя забота? Я владею оружием, которое ношу!

– Я знаю.

– И что?!

– Длинношейка их любит! Он их пастырь, а они его щенки.

– И что?!

– Роджер, нельзя убивать чьих-то щенков!

Охотник выругался сквозь зубы.

Пока закипала вода в котле, снова молчали. Нелегкое будет путешествие, если они не помирятся, но Надя виноватой себя не чувствовала и просить прощения не собиралась.

Она достала из ягдташа мешочек с чабрецом и чашку. Хотела сама снять котелок, но Роджер опередил, грубо отстранил рукой, сам снял котелок, поставил подальше от огня. Надя, обжигая горячим паром пальцы, ложкой набрала в чашку воды, бросила сухой травы.

Чай стыл в чашке. Роджер смотрел на костер, Надя на Роджера.

Его имя, светлая кожа и черные волосы говорили о том, что он был потомком саксов. После Белой войны их море покрылось льдом, король погиб, холод и голод заставили людей бросить замерзающие города и расселиться по Краю.

– Откуда ты?

– С юга. Город Хель. Вряд ли ты о нем слышала.

Надя не слышала.

– А твоя семья? Они живут там?

– Расселились по всему Краю.

– Ты женат? Есть дети?

Роджер посмотрел на нее, улыбнулся. Хорошо улыбнулся, по-доброму. На такого Роджера хотелось смотреть не отрываясь.

– Ну и вопросы... Как для царевны, ты не очень деликатная. У меня нет жены. И детей нет.

Охотник подбросил в костер веток.

– Прости, но ты мне ближе брата теперь. Можешь не отвечать.

– Не всякая женщина согласится остаться рядом со мной, сестренка. – Он бросил на нее короткий веселый взгляд. – Да и я разборчив, не всякая мне нужна. А ты? Уже присмотрела кого-то? Я слышал, на осенний бал приезжал королевич Елисей?

Надя взгляда не отвела, но уши запылали от смущения.

– Приезжал.

– Влюбилась?

– Вот еще!

Роджер поднялся, подошел к своей одежде, развешенной вокруг костра. Он взял куртку и вернулся к огню.

– Тебе шестнадцать, ты прожила всю жизнь в Черной башне и никогда не видела молодых королевичей. Он хорош собой. Как раз во вкусе шестнадцатилетних царевен.

Надя возмутилась.

– Много ты знаешь о вкусах шестнадцатилетних царевен, Роджер! Думаешь, нас всех шьют по одному лекалу? Я не хочу мужа, не хочу короны, не хочу власти и славы не хочу!

Охотник посмотрел на Надю:

– Чего же ты хочешь?

– Свободы.

– Тебе не получить ее. Даже боги несвободны, что уж о смертных говорить. У всех и у всего в этом мире есть предназначение. Никому не избежать судьбы.

Надя понимала, о чем он говорит, но соглашаться, принимать назначенную судьбу безропотно, не собиралась. Хотелось заявить Роджеру, что она справится и с людьми, и с богами, отстоит свободу, но... Нет у нее сейчас ни сил, ни знаний для такой борьбы.

– Знаешь, куда тебе следует отправиться, когда оторвешься от погони, девочка? – спросил Роджер, помолчав.

– Куда?

– В Калин.

– Это город?

– Да. Город, в котором три сотни лет не всходит солнце.

– Это возможно?

– Ты никогда не видела настоящей магии, девочка. Чародеи превращали камни в птиц, зеркала – в озера и человека – в муху. Во время Второй Чародейской войны между собой сражались три армии. Город четыре раза переходил из рук в руки воюющих и оказался в центре самой кровавой битвы тех лет. Даже боги не знают, что там случилось, но однажды утром в Калине не рассвело.

– И люди там все еще живут?

– Живут. Они надеются, что рано или поздно колдовство развеется и солнце вернется.

– Значит, мне суждено вернуть им солнечный свет?

– Похоже на то, девочка.

– Но как?

Охотник пожал плечами.

– Если бы кто-то в Крае знал, то давно сделал бы это.

– А как же боги?

– В Калине самый большой храм Ярока, но это не помогает.

– Ты там был?

Роджер кивнул.

– А на островах? Соло-Турчез? Габбиано? Вит?

– Да.

– Роджер... Ты так много мест посетил, может, слышал о чародеях? Как научиться колдовать? Ты только не подумай, – поспешно добавила Надя, – я не хочу кому-то навредить, но, если мое положение в Крае такое, как ты описал, я должна уметь себя защищать.

– Так и есть. Ты должна этому научиться. И научишься, потому что без магии не исполнишь свое предназначение. Волшебство не рождается извне, оно уже течет в твоей крови, но в Крае не осталось ни одного живого чародея, так что тебе придется всему учиться самой.

Надя печально вздохнула.

– Сколько дорог я должна пройти? Сто?

Роджер вместо ответа поднялся и укрыл ее плечи теплой от костра курткой.

Солнце грело лицо, свет пробивался сквозь сомкнутые веки, но тело затекло от холода. Надя открыла глаза. Роджер сидел у костра, грея в котелке вчерашний чай. При дневном свете события вчерашней ночи казались сном.

– Доброе утро!

Охотник кивнул. У костра в большой плетеной корзине лежали рыжие грибы и черная ежевика.

– Когда ты успел?!

– Твой вчерашний гость принес.

Надя подошла к корзине, взяла в ладонь пригоршню ягод и глубоко вдохнула их запах. Ягоды пахли летом, а на вкус оказались кисло-сладкими.

Ее платье и ботинки за ночь высохли, хоть и безнадежно пропахли дымом. Царевна переоделась. И они тронулись в путь.

До обеда шли молча. После вчерашнего перехода болели ноги. Короткие передышки, которые давал Роджер, сил не прибавляли и не снимали усталости.

В полдень остановились на поляне. Допили остатки воды из фляги. Доели ягоды. Правда, Наде хотелось горячей каши, жареного мяса с луком и белого хлеба.

– Хочешь есть? – угадал Роджер.

– Посиди здесь. Я что-нибудь принесу.

Роджер оставил рюкзак и пошел дальше по склону.

Надя села у края поляны на сухую траву и стала рассматривать лес. Сосны и ели перемежались высокими тонкими дубами и дубовым подлеском. Здесь, в долине, деревья еще стояли яркие, желтые и рыжие.

Позади девушки, там, где они с Роджером шли несколько минут назад, зашуршали листья, треснули сухие ветки. Надя, вздрогнув, обернулась. Ей показалось, что среди листьев мелькнули коричневые олени бока. Царевна замерла, не зная бежать ей или затаиться.

– Прочь пошли!

С другой стороны поляны шел волчий пастырь. Надя с облегчением вздохнула.

– Зачем кричишь? Напугал оленей...

Длинношейка повел плечами.

– Дура ты, девка, – беззлобно заметил он. – Словно волчонок необученный. У нас в лесах не каждый олень траву ест, так что беречься надо.

Надя смутилась.

– Жалеешь небось, что вчера щедрой была? – подмигнул Длинношейка.

– Что ты, пастырь. И в мыслях не было.

Он покачал головой.

– Ладно, девка. Я вот чего пришел...

Он протянул руку и положил ей на ладонь волчий клык на тонком кожаном ремешке.

– Это что? – удивилась царевна.

– Подарок, что ж еще. Бери. Ты добрая душа, девочка, верь мне, я такое сразу вижу.

Надя повесила подарок на шею.

– Так и носи, – одобительно кивнул Длинношейка. – Пусть это тебе оберегом будет и памятью...

– Спасибо, я не забуду!

– Не обо мне, глупая. Что бы другие ни говорили, хоть боги, хоть люди, хоть пакость какая, – ты добрая душа. Помни это!

Надя кивнула, и волчий пастырь улыбнулся.

– И жениха своего береги. Неладное против него задумали, не зря в лес заманили. Через тебя к нему руки тянут, хозяина моего впутывают, а у него тоже душа чистая, пакостничать не привык...

Он с отвращением сплюнул.

– Кто втягивает? Зачем им Роджер?

Длинношейка покачал головой:

– Хотел бы сказать, да сам не знаю. Вижу лишь то, что волки мои видят, и через них беду чувю... Смотри за своим охотником. Ему раньше равного соперника не было, вот он и задрал нос, в упор обмана не увидит. Ты за него смотри, девка. Поняла?

Надя кивнула. От слов волчьего пастыря у нее по телу побежали мурашки. Длинношейка тяжело вздохнул и ушел обратно в лес.

Роджер вернулся, неся зайца. Надя посмотрела на окровавленное тельце, вздохнула, забрала его у охотника и... бережно закопала под деревом.

– Я не могу это есть. Лучше вообще не буду. Ты же обходишься без мяса.

Охотник удивленно посмотрел на Надю, но ничего не сказал.

Сначала царевне казалось, что ничего страшного не произойдет. Подумаешь, один день без еды. Роджер время от времени посматривал на нее с любопытством. Она делала вид, что его взглядов не замечает, и терпеливо шла следом. Через час ходьбы с пустым животом у Нади испортилось настроение.

Солнце стало опускаться за ветки деревьев, золотя паутинки в подлеске. Они вышли к ручью. Роджер остановился и прислушался.

– Скоро будет река. Поймаю тебе чего-нибудь.

Надя лишь пожала плечами, делая вид, что это ее не волнует. Хорошо быть стойким, тем более что испытание вот-вот закончится.

Они пошли рядом с руслом ручья и вскоре вышли к реке.

На ночевку остановились на песчаном берегу, ближе к деревьям. Солнце уже скрылось за горизонтом. Небо еще горело, но свет быстро уходил, как и тепло. У реки было холодно, сыро и много комаров.

– Роджер, а тут нет русалок?

– Людей нет – и русалок нет. Они ведь любят места, где поглубже и где люди живут. Может, в одном из омутов водяник сидит, но не бойся. Если ты не полезешь в воду, он тебя не тронет.

– А тебя?

– На взрослых мужчин они не нападают.

– А как ты будешь ловить рыбу?

– Достану тебе пару раков. Надеюсь, тебе не захочется и их закопать под деревом?

Надя насупилась.

– Займись лучше костром, девочка. Сможешь насобирать веток?

Царевна кивнула. Роджер поставил у берега пустой котелок. Разделся и прыгнул в воду. Надя с тревогой прислушивалась к всплескам. О том, кто такие водяники и хватит ли у них смелости напасть на взрослого мужчину, Надя старалась не думать.

Она раньше видела, как Роджер разводит костер, и сейчас делала то же самое: отодвинула в сторону ветки и сухие листья, освобождая место для костра, сложила из тонких веточек пирамидку и положила сверху сухих листьев.

Роджер вынырнул у берега, метко бросил в стоящий котелок очередного рака.

– Я выхожу, так что, если стесняешься, отвернись.

Надя, схватив спички, пошла разжигать костер. На удивление он разгорелся сразу, словно ее горящие от смущения щеки добавили жара.

Роджер подошел к костру, натягивая на мокрое тело рубашку и отряхивая с волос воду. Потом повесил котелок с раками над костром и присел, протянув к огню руки. Надя принесла пальто и набросила ему на плечи. Охотник удивленно обернулся.

– Холодно, не хватало еще заболеть!

– Я не болею.

– Это хорошо, но пока сиди и грейся. Только скажи, что делать.

– В ягдташе возьми соль...

Надя насыпала в котелок соли и снова села рядом. Охотник смотрел на реку. Похоже, молчание было его привычным состоянием. Надя тоже привыкла к тишине, немногословность спутника не тяготила ее.

Но поговорить и спросить хотелось о многом, и царевна не выдержала:

– Ты так спокойно говорил с Лешим... Не страшно было? Я думала, жрецы ведут себя с богами иначе.

Роджер усмехнулся:

– Не бойся богов, девочка. В людях они ценят лишь достоинство. Если в тебе этого не будет – они растопчут тебя. Забудь об угрозах. Я буду отвечать за твои слова.

– Не нужно, – она обреченно вздохнула. – Одним проклятием больше, одним меньше...

– Кто тебя проклял? Я думал, ты надежно спрятана в Черной башне.

– Милость и Пасиа Грина.

Роджер усмехнулся, и Надя поняла, что сказала глупость.

– Не спеши навешивать на себя проклятия богов, девочка. Пасиа Грина и Милость не сравнятся с Варман Тура. Чем они тебя напугали?

– Сказали, что когда я встречу своего суженого, то не узнаю его, а когда пойму, что это был он, – мы расстанемся навеки.

Роджер громко рассмеялся:

– Боишься не встретить больше Елисея? Ты еще ребенок, Надежда. Когда повзрослеешь, то поймешь, что не всегда любовь одна на всю жизнь. Люди могут любить и пять, и десять раз. И каждый раз любовь будет великой и истинной. Так устроены человеческие сердца.

– А сколько у тебя было «истинной любви»? – вспыхнула царевна.

Он пропустил ее вопрос мимо ушей.

– Успокою тебя, глупая. Многие думают, что Пасиа Грина внушает страсть, а Милость дарит любовь, но это не так. Они питаются человеческими чувствами, направляют их, но не создают. Если будешь любить своего Елисея достаточно сильно, то преодолеешь их проклятие.

Роджер поднялся, снял с огня котелок и отставил в сторону от костра. Наде разговаривать перехотелось. Охотник смеялся над ней, а ведь в глубине души она в самом деле хотела, чтобы ее суженым оказался Елисей.

– Раки сварились. Поешь.

...Наде снилось, что река вышла из берегов. Роджер куда-то пропал, а она лежит на берегу, скованная сном. Вена обернулась женщиной, подошла к Наде, обняла ледяными руками,дохнула в лицо влажным, пахнущим тиной дыханием...

Царевна застонала во сне, силясь очнуться. Теплая рука Роджера легла ей на лоб. Он сел рядом, прогоняя кошмар, и Надя придвинулась к нему ближе.

Тревожный сон не вернулся. Когда Надя проснулась, ей нездоровилось. К обеду у нее начался жар. Царевна не жаловалась, не хотела показаться неженкой.

На отдых они остановились на поляне у ельника. Надя с трудом проглотила несколько кусочков обжаренного боровика. Ее трясло, но царевна твердо намеревалась продолжить путь.

– Так мы далеко не уйдем, – покачал головой охотник.

– Я отдохну немного, и все наладится.

Говорила она без особой уверенности, и Роджер это чувствовал. Он прищурился, взвешивая что-то в уме.

– Тебе нужно отлежаться в тепле, а не бродить по лесам и тем более спать на земле.

– Я смогу...

– Остановимся у моего племянника.

Он поднялся, затоптал угли костра и поднял рюкзак.

– Твой племянник живет в лесу? Один?

– В нашей семье запутанные родственные связи. Он давно не ребенок и никогда не бывает один. Но будь осторожна с Маком. Он не тронет тебя, если сама не захочешь, но...

Охотник бросил на нее короткий взгляд, откровенно сомневаясь в ее способности противостоять чарам племянника. Наде стало смешно.

– Не думаю, что в мире есть кто-то красивее Елисея, – подразнила она охотника.

Роджер не улыбнулся.

Снова отправились в путь. Надя чувствовала себя так плохо, что даже возможность увидеть восхитительного племянника Роджера ее не воодушевляла. Хотелось только спать.

Царевна совершенно потеряла счет времени. Ей казалось, что они прошли совсем немного, но вокруг уже сгущались сумерки. Когда на фоне неба появился темный шпиль башни, уже совсем стемнело. Темнело и в глазах. Надя все же потеряла сознание, потому что минуту назад шла за охотником, медленно переставляя ноги, а в следующее мгновение оказалось, что он несет ее на руках по внутреннему двору замка.

От Роджера пахло кожей, сухими травами, яблоками и немного потом. Надя слышала, как бьется его сердце. Часто, сильно и ровно. Этот стук убаюкивал. Ей казалось, что она плывет в лодке... Волны ласково качали, успокаивали...

– Просыпайся, девочка! Мы пришли.

Роджер бережно положил ее на кушетку. Надя открыла глаза.

Они были в холле большого замка. Слева от входа темнел пустой холодной пастью камин. По сторонам от него стояли низкие диваны, обитые золотистой парчой. На полу лежала пыльная медвежья шкура.

Справа от дверей стояла кушетка, на которую Роджер уложил царевну. Стеклянная дверь позади вела в оранжерею – за ней темнела зелень остролистых панадусов. Прямо от входа начиналась широкая каменная лестница. Она поднималась на двадцать ступеней вверх, разветвлялась и, поднимаясь к двум аркадным коридорам, вытягивалась вдоль стен в аркаду.

Камин был пуст и холоден, но комната уставлена свечами. Они стояли везде: на низких столиках, на подлокотниках диванов и кресел, в медных канделябрах и подсвечниках из слоновой кости, в серебряных мороженицах и в фаянсовых чашках. Надя не видела замок снаружи, но изнутри он казался огромным, словно выстроенным для великанов. Свет свечей не достигал потолка, углы холла словно растворялись в нем, и там, в темноте, царевне виделись новые двери и коридоры. Стены украшали картины, яркие и странные: на них тянулись к небу истонченные силуэты животных и птиц, смещались плоскости, выгибались пространства...

К ним навстречу лениво спускался по лестнице хозяин замка. Одет он был лишь в пижамные штаны и халат, распахнутый на груди.

Мак не годился Роджеру в племянники – он был моложе всего на несколько лет. Высокий, красивый и грациозный, как танцор. Они были похожи с Роджером: черты лица, черные волосы, но Мак был мягче в движениях, самоуверенней. Распахнутый халат открывал сильный пресс и загорелую грудь. Двигался он мягко и бесшумно, как кот.

Хозяин замка увидел Надю и остановился. Засунул руки в карманы пижамных брюк и наклонил голову, рассматривая ее. Чувственные губы тронула улыбка. Его взгляд Наде не понравился.

– Мак! Подготовь комнату, и пусть одна из твоих девок присмотрит за царевной.

Надя перевела взгляд на Роджера. Он стоял серьезный и властный. Гостем себя он здесь не чувствовал.

– Хорошо, дядюшка. Что-то еще?

Голос у Мака был тоже кошачий. Низкий и рокочущий. Надя поняла, почему Роджер волновался за ее честь. Племянник был не просто красивым, он был соблазнительным и знал

это. В отличие от Елисея, в Маке была животная, чувственная притягательность, как у героев романов, которые украдкой читала пани Ожина.

– Найди во что-то переодеться. И приготовь горячую ванну.

– Если ей, то не стоит. Она и так вся горит.

Роджер хотел возразить, но осекся.

– Отнести ее наверх или вы сами?

Охотник склонился к Наде.

– Закрой глаза, девочка, – неожиданно ласково попросил он.

Царевна подчинилась и снова впала в забытие.

Она не знала, сколько проспала, но, когда открыла глаза, за окном стемнело. Надя с трудом села на кровати и огляделась.

Незнакомая спальня. Широкая кровать, кушетка у противоположной стены и туалетный столик без зеркала. Все вокруг уставлено свечами, оставляющими на лакированных поверхностях лужицы воска.

Окно в комнату раскрыто настежь, впуская влажный ночной воздух, но Наде все равно было душно. Хотелось пить, кружилась голова, нос был заложен и болела ладонь.

Надя посмотрела на левую руку и с удивлением обнаружила на ней повязку. Размотала. Ладонь пересекала косая рана, но где и когда она появилась, Надя не помнила. Снова перевязала порез и поднялась с кровати.

От слабости подкашивались ноги, но жажда заставила царевну собраться с силами. Воды в комнате не было, и Надя вышла в коридор. По обеим сторонам уходящего в бесконечность коридора тянулась бесконечность открытых дверей.

Надя шла между ними и за каждой видела одинаковые пустые спальни с разостланными кроватями, кушетками и трюмо без зеркал. Она была слишком измучена, чтобы удивляться. Надя шла и шла, а коридор не заканчивался. Тогда царевна свернула в первую попавшуюся комнату...

Она переступила порог и внезапно оказалась в бальном зале, наполненном сладкопахнувшим дымом. Двери на террасу были распахнуты, но воздух словно останавливался на пороге, не решаясь войти в зал. От обилия свечей, подвешенных под высоким потолком на многоярусных канделябрах, было тяжело дышать. Зеркала на стенах преломляли, множили и дробили пространство, лишая его границ. Посреди зала на диване с золотопарчовой обивкой сидел Мак. На нем были все те же пижамные штаны и распахнутый на груди халат, словно весь замок – его большая спальня.

Вокруг Мака двигались в медленном танце обнаженные, одурманенные женщины. Мак не трогал их. Он пил зеленый напиток из бокала и, по-кошачьи шурясь, любовался танцовщицами. Мак увидел Надю, улыбнулся и поманил к себе рукой.

Идти к нему совершенно не хотелось, царевна отступила на шаг назад, еще на один, пока не почувствовала спиной наглухо запертую дверь.

Мак одним глотком допил из бокала, встал и пошел к ней навстречу. Огромный зал он пересек в несколько шагов.

– Испугалась? – с улыбкой спросил он, останавливаясь совсем близко.

– Я искала Роджера.

– Его здесь нет.

– Хорошо. Тогда извините, что помешала...

– Мне скучно с ними. Пойдем.

Он наклонился к ней, Надя почувствовала аромат полыни и жасмина, вжалась спиной в дверь, готовая бежать, но Мак просто толкнул дверь за ее спиной. Они оказались в коридоре.

– Я видел его на террасе. Сюда!

Все в ней кричало: беги! Но Мак вел себя пока достаточно вежливо, и Надя пошла за ним. На террасе было пусто. Царевна повернулась, чтобы уйти, и Мак преградил ей дорогу.

– Ты избегаешь меня?

– Да, – честно ответила царевна.

– Что-то не так? Почему я неприятен тебе?

Голос у него был завораживающий, но Надя не поддалась.

– Ты прекрасен, Мак, но мне не нужен. Я ищу Роджера.

– Любишь его?

– Нет. Но и тебя мне не надо. Твой зал полон красивыми женщинами. Зачем я тебе?

– Ты особенная для дядюшки, а значит, и для меня.

Он перестал улыбаться.

– Я нравлюсь тебе? – Он наклонился так близко, что Надя чувствовала его дыхание. – Я всем нравлюсь, милая, так что не бойся своих желаний. Мой дядюшка крепко спит, он не помешает нам, не узнает о нас...

Мак приблизился к ее губам, но царевна отшатнулась.

– Не хочу.

Она оттолкнула его от себя и вдруг... проснулась.

За окном вечерело. Солнце уже опустилось за лес, но еще было светло.

Царевна села на кровати, провела рукой по лбу. Температура спала. Простыни и ночная рубашка были мокрыми от пота. На туалетном столике стоял графин с водой. Она спрыгнула с кровати и бросилась к нему. Пила жадно, вода текла по уголкам рта, по шее, капала на ночную рубашку...

Надя вышла в коридор. Она нашла туалетную комнату. Там же, в серебряном тазу была вода. От нее пахло илом, но Надя все равно умыла лицо и шею.

В коридоре было пусто. На этот раз двери всех комнат были плотно закрыты, и коридор не был бесконечным – царевна дошла до лестницы, спускающейся вниз.

Она думала, что выйдет в холл, но оказалась на кухне.

Холодные печи заставлены кастрюлями и сковородками. У стола, присыпанного мукой и пылью, спали, прислонившись к стене, две кухарки. Тучные женщины с сильными руками, сладко похрапывали во сне, склонив друг к другу головы. Надя прошла мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.